

Барбара Картленд

Неожиданное наследство

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671135
Неожиданное наследство : Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-52291-0

Аннотация

Будучи совсем юной, Кристина Кристл сбежала из дома с женатым актером Гарри Хантером, который вскоре бросил ее ради карьеры. Девушка годами влачила одинокое существование вдали от родных мест. Но неожиданно все изменилось: брат оставил ей наследство и назначил опекуном своих детей. Кристина возвращается домой; с помощью своенравного соседа Майкла ей удастся не только начать новую жизнь, но и снова поверить в любовь. Казалось бы, счастье так близко!

Но ему угрожает внезапно появившийся на пороге ее дома Гарри, так и не сумевший добиться успеха в Голливуде...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Барбара Картленд

Неожиданное наследство

Глава 1

– Мистер Питман на месте?

Девушка с неохотой оторвалась от детективного романа и подняла голову.

– Кажется, он занят. Как вас представить?

– Кристина Кристл. Я очень надеюсь, что он сможет мне что-нибудь предложить.

– Чем вы занимаетесь?

– О, исполняю роли молодых девушек... обычно.

Девушка медленно встала, прошла через комнату к кабинету, постучала и вошла внутрь.

Дверь она оставила открытой.

Поддавшись безотчетному порыву, Кристина быстрым шагом приблизилась к кабинету. Теперь ей было хорошо слышно, о чем там говорили.

– Ну, что тебе надо на этот раз?

Кристина узнала голос Джозефа Питмана. Она уже виделась с ним. Коренастый, с грубой внешностью, он издевался над актерами и актрисами, которые вынуждены были пресмыкаться перед ним и умолять, чтобы он замолвил за них словечко перед режиссерами.

– Пришла Кристина Кристл – говорит, что исполняет роли молодых героинь.

– Каких-каких героинь? Господи, хоть кто-нибудь когда-нибудь скажет этим бабам правду? Передай Кристине Кристл от меня привет и скажи, что английская публика еще не ослепла, не оглохла и не онемела. И вели ей убираться прочь. У меня для нее ничего нет и вряд ли когда-нибудь появится... и закрой за собой дверь, черт побери!

Кристина отпрянула от двери. Когда девушка вернулась в приемную, она уже стояла у грязного окна, в которое стучал дождь, и смотрела на улицу.

– Сожалею, сегодня для вас ничего, – сказала девушка.

Кристина попыталась выдавить из себя улыбку.

– Большое спасибо. Я проходила мимо и решила зайти, так, на всякий случай.

– Может, оставите свой адрес?

У Кристины от нервного напряжения дрожали руки, однако она изо всех сил старалась хотя бы внешне оставаться спокойной.

– Нет, спасибо, – ответила она и побрела к выходу.

Она быстро спустилась вниз по не застланной ковром лестнице, выбежала на улицу и пошла вперед, не разбирая дороги. Ее щеки пылали, сердце бешено стучало.

«Ну что я так переживаю? – уговаривала себя Кристина. – Ведь ничего страшного не случилось. Есть же другие агенты, причем более учтивые!»

Однако уговоры не помогли, сердцебиение только усилилось, и она вдруг начала задыхаться.

«Наверное, все дело в том, что я недоедаю, – подумала она, остановившись и устремив невидящий взгляд на витрину магазина. – Это уже второй приступ за сегодняшний день».

При воспоминании об утренних событиях Кристину опять охватил ужас. У нее в ушах все еще звучал голос домовладелицы, громкий и пронзительный, эхом отдававшийся от стен комнаты и разносившийся по лестничной клетке. Остальные жильцы наверняка все слышали. Вряд ли это их удивило или расстроило – они давно привыкли к подобным вещам.

«Кто я, по-твоему? Филантропическое общество, благотворительная организация? А? Я не желаю бесконечно держать в своем доме жильцов, которые не могут платить. Ты, мисс, ловко обвела меня вокруг пальца, а я была душой, что пустила тебя сюда».

«Обещаю вам, на следующей неделе у меня будут деньги. Поверьте, миссис Хобсон. Даю вам честное слово».

«Честное слово?! Если бы я верила сладким речам всех актрисул, я бы уже давно была в работном доме, вот где! Если поступать по справедливости, тебя бы давно стоило отправить туда! Или в тюрьму – за то, что отбираешь хлеб у честно работающих женщин. Как, по-твоему, я должна платить аренду и налоги? На что мне содержать свой дом? На твои обещания? Убирайся отсюда... и побыстрее».

В тот момент Кристине показалось, что слова домохозяйки обрели физический вес, навалились на нее и придавили своей яростью. Она стояла перед разгневанной теткой и в отчаянии спрашивала себя: «Ну почему я не могу дать ей отпор?» Впрочем, особого выбора у нее и не было. В ее сумочке лежало несколько шиллингов, а гардероб включал только самое необходимое. Единственное, что ей оставалось, это молча стоять и слушать. Сначала от стыда краска залила ее щеки и шею, а потом кровь отхлынула, и лицо стало болезненно-бледным. Ее всю трясло. «Я старею, – думала Кристина. – У меня больше нет сил выдерживать все это». Она помнила времена, когда такая ситуация была способна рассмешить ее, а подобные огорчения казались несущественными. Тогда она легко могла нагрубить хозяйке в ответ – и та получила бы по заслугам. Сейчас же она чувствовала себя слабой и, что хуже всего, напуганной. Как часто за последнюю неделю она с ужасом представляла сегодняшнюю сцену с миссис Хобсон! Она заранее знала, что скандала не избежать. Знала, несмотря на робкую, призрачную надежду на то, что придет спасение и страшный момент, когда ей велят уходить из дома восемьдесят два по Линдкот-роуд, удастся оттянуть. Нелепо, но ее совсем не радовала перспектива покинуть это здание и этот район. Грязные, влажные стены с отклеившимися обоями, жесткая металлическая кровать с серым залатанным бельем – все это плохо соответствовало представлениям о домашнем уюте. Однако последние три месяца именно это обиталище было для Кристины домом – местом, где можно найти уединение, где можно отдохнуть и выспаться, куда она возвращалась по ночам.

Иногда она говорила себе, что, вероятно, сошла с ума, если ускоряет шаг при приближении к Линдкот-роуд. Но она так часто чувствовала себя уставшей и подавленной, что грязное, непрезентабельное здание буквально манило ее к себе хотя бы тем, что было ей знакомо. Кристина въехала в эту квартиру после гастролей, организованных ENSA¹. Гастроли были очень тяжелыми, а условия проживания в железнодорожных вагонах – ужасными, особенно в тех, которые шли на север. Временами Кристине казалось, что из-за постоянного недосыпания она не доживет до конца гастролей, поэтому дом №82 стал ассоциироваться для нее с отдыхом, миром и, что самое главное, уединением. А еще она надеялась, что получит роль в Лондоне. Какая актриса не мечтает сыграть на сцене в Вест-Энде? Контракт на целых полгода – каким бы это было счастьем! Целых полгода знать, где окажешься завтра, иметь возможность строить планы на ближайшую неделю и на следующую.

А потом постепенно Кристина стала понимать, каков ее статус. Она всегда была плохой актрисой. И никогда не обманывала себя на этот счет. Много лет назад ее выручала внешность. Глядя на газетные вырезки 1926 и 1927 годов, трудно было поверить, что на снимках та же женщина, что сейчас смотрит на нее из зеркала – с напряженным взглядом, тусклыми волосами и загнанным выражением на лице. Кристина знала: это выражение уже стало постоянным.

¹ Организация, основанная в 1939 году для проведения зрелищно-развлекательных мероприятий для британских войск на фронтах Второй мировой войны; фронтовые бригады. (Здесь и далее примечания переводчика.)

«Кристина Кристл была обворожительна в «Леди Марион», она – олицетворение розы в пене голубых лент». «Кристина Кристл наделена красотой, от которой захватывает дух». «А еще в нем участвовала Кристина Кристл – свежее дыхание весны. Я сам слышал, как по зрительному залу прокатился восторженный вздох».

Тогда не имело значения, что она не умеет играть. Достаточно было ее золотистых волос, голубых глаз и нежной кожи, чтобы заморозить зрителей и заставить их поверить в то, что она актриса. Кристина помнила, как на репетиции одной сцены, которую они играли вдвоем, Гарри сказал:

«Господи, Кристина, разве ты не понимаешь, что нужно все это прочувствовать! Ты же не можешь просто так стоять и... – Неожиданно он замолчал. – Да какая разница, черт побери! Зрители только глянут на твое личико и больше ни о чем думать не будут».

Гарри наклонился и поцеловал ее, и она, забыв обо всем, прижалась к нему. То был ее мир – мир, который она сама себе вообразила, но в тот момент он был реальнее и важнее, чем действие, происходившее на сцене.

По сути, театр никогда не был для нее всем. И сейчас ей это абсолютно ясно. Тогда же, особенно после того, как Гарри бросил ее, она пыталась убедить себя в том, что ей по силам сделать карьеру самостоятельно. В ту пору она строила воздушные замки, как школьница. «Я добьюсь успеха. Мое имя появится в газетных заголовках, и напечатано оно будет крупнее, чем его. Я покажу ему, на что способна!» Но что она могла без Гарри? Ничего. Ну, несколько недель перед каждым Рождеством играла в пьесах-сказках – исполняла, естественно, не роль Принца, ее голос был недостаточно хорош для этого. Роль Дандини² или фрейлины Принцессы; какая-нибудь роль в гастрольном спектакле – они были третьесортной труппой и играли в третьесортных театрах. По понедельникам, вечером, когда зал полупустой. И по субботам, когда все места забиты пьяницами, которые орут или кричат, комментируя спектакль.

Нет, карьера, которую она рисовала в своем воображении, не состоялась. С каждым ангажементом она просто опускалась все ниже и ниже: статистка в «Зиг-заг Фриволите», где режиссер считал, что девушки обойдутся без гонорара, так как им не нужно особо тратиться на костюмы, потому что они выступают почти голыми; второстепенная роль в фарсе, где все действие проходило в спальне – идея заключалась в том, чтобы привлечь определенный тип зрителя, которому нравится эротика.

Один раз ее взяли платной партнершей по танцам в ночной клуб на Тоттенхем-корт-роуд. Там было ужасно душно. Она пыталась убедить себя в том, что справится, но не выдержала! Она уволилась, не проработав и половины вечера, – предварительно высказав администратору все, что о нем думает. Сейчас же у нее не хватило бы духу или сил так поступить. Теперь она молча сносит оскорбления, сносит и дрожит, потому что у нее не осталось ни капли надежды на лучшее, а есть что-то надо...

Кристина одернула себя. Нельзя же вечно стоять перед витриной. Ряды туфель с красивыми этикетками за стеклом напомнили ей о том, что ее собственные ботинки сносились, – она чувствовала, что чулки намокли.

Кристина побрела дальше. Вот и настало время, когда надо идти на биржу труда. Она давно боялась этого момента, последние два месяца вообще гнала от себя мысли об этом, однако четко осознавала, что призрак биржи так и будет маячить перед ней, сколько бы она ни убеждала себя в обратном.

Чем она может зарабатывать на жизнь? Наверное, сможет крутить гайки на каком-нибудь заводе, как любой другой человек. Однако ею владел страх – страх, что ее пошлют в незнакомое место, страх, что она не справится, страх перед однообразной работой и долгой

² Камердинер Принца в «Золушке».

сменой, перед людьми, с которыми придется работать. Как часто ночами она думала: «Я не вынесу, все это бессмысленно! Я этого не вынесу!» И вот сейчас момент настал, тут уже не попривередничаешь.

Ей негде ночевать. Кристина рассеянно подумала, что на бирже ей могут предложить общежитие или что-нибудь в этом роде. Она остановилась, открыла сумку и достала кошелек, хотя и так знала, что там лежит: монета в два шиллинга, три пенса и «счастливый» трехпенсовик³. Что ж, она сначала поест, а потом будет искать какое-нибудь отделение биржи.

Кристина направилась к ближайшему кафетерию. Основными его посетителями были женщины, такие же уставшие и изможденные, как и она; женщины с сумками, в которых были сложены все их пожитки; женщины с маленькими детьми, которых они держали на руках, и с детьми постарше, которые то и дело терялись в толпе...

– Пойдем, Гледис, не отставай, а то потеряешься, и что ты тогда будешь делать?

Попадались и мужчины, главным образом американские солдаты и серьезного вида клерки в макинтошах и очках. За руку одного летчика Королевских военно-воздушных сил – вероятно, он был в увольнительной – цеплялась сияющая размалеванная девица без шляпы и с ярко-красными губами.

Купив еды, Кристина пошла вперед, бесцеремонно отпихивая локтями всех, кто попался у нее на пути. Час был ранний, поэтому ей не пришлось долго искать свободный столик. Выбрав тот, что стоял в дальнем углу, она села и вдруг остро почувствовала, как голодна – ведь она толком не ела несколько дней. С каждым съеденным куском в ней усиливалось ощущение, что она отняла деньги у миссис Хобсон. Не раз, собираясь купить сэндвич или чашку кофе, она вспоминала о своей раскрасневшейся от ярости домохозяйке с пронзительным голосом, который, казалось, проникал в самую душу собеседника и был слышен в самых отдаленных закутках дома, – и ничего не покупала. Да, она боялась. Боялась крика, и злости, и грубости. А еще она боялась смотреть на свое отражение в окне и видеть, как годы отбирают ее единственное достояние – красоту.

«Мне тридцать девять! – думала Кристина. – Нет смысла делать вид, будто я выгляжу моложе своих лет. Я выгляжу уставшей, сникшей и безжизненной. Вот суть всей проблемы – во мне не осталось жизни». Девушка вспомнила одну актрису, которую видела два дня назад – они познакомились во время гастролей. Актриса была старше ее как минимум на восемь лет, однако Кристина честно признавала, что если поставить их обеих перед неподвизтым критиком, тот мгновенно укажет на нее не только как на старшую, но и как на неудачницу. И дело было не в дорогой одежде той женщины, не в хорошей прическе, не в ухоженных ногтях и умело наложенном гриме – дело было в ее душевном настрое. Казалось, она так и излучает жизненную энергию.

В первое мгновение актриса не узнала Кристину, но вежливо улыбнулась, поздоровалась и собралась идти дальше. А потом вдруг обернулась и с плохо скрываемым удивлением протянула к ней руки.

«Кристина! Дорогая моя, прости меня. Я думала о другом и поэтому едва не прошла мимо. Ну, чем ты занимаешься?»

Та женщина не хотела ее обидеть. Однако Кристина сразу поняла, что от ее взгляда не укрылось ничего – ни потрепанная одежда, ни поношенные перчатки, ни заляпанные грязью чулки.

Ей стало стыдно, но не за свой вид, а за свое безволие, за недостаток отваги, за отсутствие внутреннего стимула двигаться вперед и заставить мир дать ей то, что она хочет. Но достаточно ли сильно она этого хочет? Не в этом ли причина, почему она потерпела крах? Волновало ли ее все это – карьера, театр? Да, конечно, она хотела добиться успеха. А кто

³ Двенадцатигранная старая английская монета в три пенса, была в ходу до 1971 года.

не хочет? И она хотела быть богатой – о, как же ей хотелось иметь столько денег, чтобы она могла жить в комфорте, красиво одеваться, заказывать и покупать все, что душе угодно.

Однако она совершенно не умела считать их. Когда у нее был ангажемент, она всегда платила за угощение, приглашала знакомых посидеть в кафе, звала девушек, с которыми делила гримерку, вместе поужинать или позавтракать. Деньги утекали у нее сквозь пальцы, она тратила их на других, надеясь таким образом подружиться с людьми. Ей очень хотелось, чтобы рядом был кто-то, кому можно рассказать о своих радостях.

Забавно, как мало остается друзей, когда человек оказывается в трудном положении. Где люди, которые веселились за ее счет все те годы, пока у нее были роли, пока ей не составляло труда добиться встречи с режиссером, пока агенты были счастливы заполучить ее в клиентки? Друзья исчезли – растворились точно так же, как ее надежды.

И вот она одна. А ведь именно одиночества она всегда страшилась. Еще с тех пор, как ее бросил Гарри. И ее страх усиливался с каждым годом по мере того, как ангажементов становилось все меньше и меньше, а периоды бездействия становились все длиннее и длиннее.

Меблированные комнаты! Да она может написать о них книгу, мысленно усмехнулась Кристина. Запах тушеной капусты на лестнице, неосвещенные лестничные площадки, где можно передвигаться только на ощупь, всегда липкие поручни перил, газовые колонки, от которых воняет и которые почти никогда не работают, жесткие, комковатые матрасы, тонкие одеяла. Атмосфера полнейшего безразличия и неприязни – она не меняется, сколько бы времени человек ни прожил там. Фотографии, цветы, даже испанская шаль, которой она как-то решила застилать свою кровать, – ничто не может преобразить их. И все время кажется, что в них витает враждебный дух. Да, за все годы она так и не смогла прижиться в меблированных комнатах.

Кристина сделала большой глоток кофе и почувствовала, как тепло разливается по телу, успокаивая и придавая сил. Ей показалось, что проблемы немного отошли в сторону. «Наверное, это потому, что я приняла решение, – подумала она. – Я пойду на биржу труда, и мне подыщут какую-нибудь работу. В неудачах, в том, что я дошла до такого состояния, виновата моя нерешительность». Ей вдруг захотелось посмеяться над своими страхами.

Итак, карьера актрисы закончена. «Наверное, стоит вернуться к своему настоящему имени», – сказала она себе. Кристина Диллон. Прошло так много лет с тех пор, как она представлялась этим именем, что сейчас создается впечатление, будто она говорит о чужом человеке. Именно Гарри, естественно, предложил ей взять псевдоним Кристл.

«Нужно придумать для тебя что-нибудь очень романтическое, по-настоящему красивое», – сказал он тогда.

«Я не буду менять имя, данное мне при крещении, – возразила она. – Я Кристина, Кристиной и останусь».

Тогда это казалось очень важным.

Кристина хорошо помнила, как смотрела на Гарри с любовью и восхищением. И что было странного в том, что прохожие оборачивались на них, когда они вместе шли по улице? Иногда на гастролях они производили самую настоящую сенсацию. Ничего удивительного. Она была красива, а Гарри очень привлекателен. Нет, по меркам времен короля Эдуарда его нельзя было назвать красивым. Он не был белокурый, пышущим здоровьем английским джентльменом, то есть не принадлежал к тому типу, ярким образцом которого являлся офицер Гвардейской бригады. Его внешность была скорее голливудской – высокий, темноволосый, с дерзким взглядом, – той самой, от которой в тридцатые у юных барышень начинало учащенно биться сердце. Ни одна женщина не могла устоять против его манящего, беззаботного взгляда, а газетные репортеры называли его улыбку «бесшабашной». Она трогала сердца женщин, и эти сердца начинали стучать быстрее.

Кристине достаточно было закрыть глаза, чтобы снова увидеть его таким, каким он был тогда: с сигарой и тросточкой с костяным набалдашником, в сшитом по фигуре костюме с гвоздикой в петлице, с зачесанными назад лоснящимися волосами и открытым лбом, который был чуть узковат.

Гарри Хантер! Кто из зрительниц с галерки не слышал о нем в те годы? Кто из девушек не завидовал Кристине? Когда в финальной сцене она стояла в свете прожектора и Гарри обнимал ее, а потом страстно, с видом собственника целовал, ей было точно известно: половина зрительниц в зале готова продать душу ради того, чтобы оказаться на ее месте. Сначала эти поцелуи были вполне настоящими. И восторг, который они дарили ей, не терял своей остроты, даже когда гасли огни рампы.

«Ах, Гарри, Гарри», – шептала она, когда падал занавес. Он продолжал сжимать ее в объятиях, и она испытывала нечто вроде экстаза. «Он мой, мой». Когда зал взрывался аплодисментами, они с неохотой отстранялись друг от друга и вместе с остальными актерами выходили на поклон.

Забавно: оглядываясь назад, она не может вспомнить других актеров, игравших с ней. Был только Гарри – только Гарри имел значение, только о Гарри она думала. И ведь она была счастлива, дико, до умопомрачения счастлива... она никогда не думала и не мечтала, что на ее долю выпадет такое счастье. «Вот это жизнь, – говорила она себе, – вот что значат чувства».

А что она, Кристина Диллон, выросшая в семье провинциального священника и приученная стесняться, если не стыдиться, своей яркой, бросающейся в глаза красоты, знала о чувствах или о жизни? Гарри был первым человеком, который назвал ее красивой; Гарри был первым мужчиной, который овладел ею. Именно Гарри заставлял ее жить, учил любить. И она никогда не пожалела об этом – ни тогда, когда он все это отобрал у нее, ни в те долгие недели отчаяния, когда она лежала ночами без сна в меблированных комнатах. Слишком ошеломленная, чтобы плакать, она просто страдала от боли – боли, которую ей причиняла настоящая, раздирающая душу физическая потребность в Гарри.

И зачем она об этом сейчас вспоминает? Нет смысла снова возвращаться к этому. Иногда Кристина спрашивала себя, способны ли воспоминания еще причинить ей боль, или то, что она чувствует, – это лишь отголоски той давней муки – страданий ребенка, который не понимает, зачем его обидели, страданий юной девушки, которая отдала все и ничего не получила взамен. Теперь она зрелая женщина, теперь она способна понять и увидеть многое из того, что ускользало от ее внимания в те годы.

Кристина взяла меню. Она потратила один шиллинг и десять пенсов, но все еще голодна. Что ж, можно позволить себе еще один сэндвич. Вставая, она вдруг заметила, что мужчина за соседним столиком внимательно разглядывает ее. Машинально – ведь она хорошо знала публику определенного сорта – она расправила плечи и, грациозно ступая, пошла к прилавку, а когда вернулась к столику, то обнаружила, что незнакомец – невзрачный мужчина средних лет в роговых очках и с торчащим над воротником рубашки кадыком – все так же смотрит на нее.

Кристина села к нему спиной, но продолжала чувствовать его взгляд. «Наверное, только у таких я и могу теперь вызывать интерес», – устало подумала она и вспомнила цветы и записки, которые получала много лет назад. Сейчас она обрадовалась бы даже десятой доле окружавшего ее тогда внимания, но в то время оно для нее ничего не значило. Приглашения на ужин она выбрасывала нераспечатанными. «Сожалею, но мисс Кристина Кристл занята». Такой ответ давался на все вопросы у служебного входа в театр, на телефонные звонки и расспросы почитателей. «Мисс Кристина Кристл занята!» Занята, она действительно была занята Гарри, она проводила с ним все дни и ночи. Даже сейчас она часто вспоминает их

совместные ужины – Гарри говорит, а она слушает. Все шло именно так, как она мечтала. И все это делало ее счастливой.

Кристина снова обратила внимание на мужчину за соседним столиком. Он беспокоил ее, мешал ее размышлениям. Вряд ли он осмелится заговорить с ней, решила она, но если все же заговорит, надо дать ему резкий отпор. Ее тошнит от мужчин, докучающих женщинам, хотя – Господь свидетель! – маловероятно, что у какого-нибудь мужчины найдется повод докучать ей... такой. Волосы в жутком виде... она пыталась самостоятельно уложить их, но сейчас все ее попытки привести себя в порядок были обречены на провал. Она измождена, страшно измождена. От недоедания, конечно, от недостатка масла и молока.

Как ни удивительно, но мысль о масле перенесла Кристину в дни юности – огромные желтые куски масла на столе, накрытом к завтраку, и серебряное блюдо с вареными яйцами на серванте. Она буквально услышала, как отец спрашивает:

«Кристина, почему ты так плохо ешь? Ты уже второй раз на завтрак выпиваешь только чашку чаю».

«Я не голодна, папа».

«Полнейшая чушь! Ты заболеешь, если будешь плохо есть. Что с тобой? Ты влюбилась?»

Вопрос был неожиданным. Она вздрогнула, понимая, что заалевшие щеки выдают ее. Да, она влюбилась... она была самозабвенно, иступленно, до умопомрачения влюблена уже целый месяц. Влюблена в Гарри, а он – в нее. Нет, в те дни ей не хотелось ни масла, ни яиц, ни молока. А вот сейчас они бы ей оченьгодились.

Мужчина за соседним столиком начал подниматься. Он явно стеснялся, и Кристина неожиданно догадалась, что он намеревается заговорить с ней.

«Только этого мне не хватало! – мысленно застонала она. – Ну почему он не может оставить меня в покое?»

Кристина вдруг почувствовала страшную слабость, на глаза навернулись слезы. Ужаснувшись собственной реакции, она принялась рыться в сумке в поисках платка. И тут услышала голос мужчины – неуверенный и виноватый:

– Прошу вас простить меня... но... вы, кажется, мисс Кристина Кристл?

– А что, если и так?

Кристину удивило, что он знает ее имя. Может, это просто охотник за автографами?

Мужчина просиял.

– Я знал, я не мог ошибиться, – быстро заговорил он, при этом его кадык заходил вверх-вниз. – Я видел ваши фотографии. Я рассылал их по многим городам, пытаюсь разыскать вас.

– Разыскать меня?

– Да. Видите ли, мисс Кристл, мы уже давно пытаемся связаться с вами.

– Кто «мы»... то есть... кто вы такой?

Кристина догадалась, что ему приятно ее замешательство, что он в полной мере доволен собой.

– Мне так повезло, мисс Кристл! Это одно из тех совпадений, которые изредка случаются в жизни. Только представьте: мы рассылали письма по всей Англии, пытаюсь разыскать вас, и вдруг я случайно встречаю вас во время своего обеденного перерыва.

– Но кто вы? – спросила Кристина. – И зачем вам понадобилось разыскивать меня?

Было видно, что мужчина безмерно счастлив; он широко улыбался, как будто услышал хорошую шутку.

– Меня зовут Денверс, мисс Кристл. Я доверенный секретарь господ Уэстбери, Уотер-бери и Томаса, стряпчих, и если вы прямо сейчас пройдете со мной в нашу контору, то узнаете кое-что важное для вас.

Кристина мгновение внимательно смотрела на него. Неожиданно у нее в голове появился странный звон, а ноги будто стали чужими.

– Как вы думаете, – медленно проговорила она внезапно изменившимся голосом, – у меня есть время выпить еще одну чашку кофе?

Глава 2

Кристина в сотый раз посмотрела на часы. Еще двадцать минут, и она будет дома. Поезд еле тащился. Здесь, на местной ветке, в ее распоряжении был весь вагон. Приятное отличие – из Лондона она ехала в переполненном купе.

Еще двадцать минут... трудно поверить, что все это не сон, что она действительно возвращается домой после восемнадцати лет. Но почувствует ли она себя дома? Увидит ли знакомые лица, найдет ли какие-нибудь вехи, значившие для нее так много в юности?

Подавляя поднимающуюся внутри панику, Кристина открыла сумку и достала письмо Артура – оно уже истрепалось на линиях сгибов и потерялось на краях от постоянного перечитывания. Вчера она вообще положила его рядом с собой перед сном, а утром первым делом после пробуждения вновь пробежала глазами. И вот сейчас, дабы убедиться в реальности происходящего, ей снова захотелось прочитать его:

«Моя дорогая Кристина,

Если детективы, которые уже давно занимаются поисками, не найдут тебя в ближайшие несколько дней, то ты получишь это письмо, когда меня уже не будет на свете. Даже доктора перестали изображать бодрый оптимизм, когда навещают меня, и я знаю, что конец близок.

Не думай, что я слаб рассудком. Если бы не дети, я бы покидал землю с радостью и твердой уверенностью, что скоро окажусь рядом с Денизой. Мне было очень одиноко после ее смерти, и я искренне сожалею о том, что ты не знала ее, иначе ты бы поняла мои чувства.

Я виноват перед тобой, Кристина, очень виноват и делаю эту последнюю попытку загладить свою вину в надежде, что ты простишь меня за то, как я относился к тебе все эти годы.

Удивишься ли ты, когда узнаешь, что я всегда пытался следить за твоими переездами и за твоей карьерой? Наверное, ты рассмеешься, когда найдешь маленький альбом с газетными вырезками среди вещей в моем письменном столе. Газетные заметки – о тебе, Кристина, я подписался на них в агентстве. Судя по этим статьям, тебе много лет сопутствовал успех, а потом заметок с каждым годом становилось все меньше и меньше, и в них не осталось ничего хвalebного. Именно тогда мне и надо было предпринять попытку – теперь я это вижу – разыскать тебя, но я ничего не сделал. Я даже не могу объяснить почему, если не считать того, что я робел и боялся выглядеть в твоих глазах глупцом. Я всегда вел себя в отношении тебя как несносный педант.

Когда ты убежала из дома... мою педантичность, наверное, оправдывает то, что я был молод, одержим идеей принять духовный сан и впервые влюбился. Я встретил Денизу сразу после твоего отъезда. Вероятно, как все молодые люди, в то время я верил, что женщина должна воспринимать как оскорбление все, что порочит само понятие женской добродетели. Да, я был педантом в худшем и самом ханжеском варианте – признаю это честно. Но самое ужасное, что я не был наказан за свой педантизм. Я прожил очень счастливую жизнь. Даже после смерти Денизы мне было трудно оплакивать ее, так как я был абсолютно уверен, что она все еще рядом со мной и что только слабость моего земного зрения мешает мне увидеть ее.

Теперь же наконец, когда я знаю, что мои дни сочтены, наказание, хоть и малое, за мое отношение к тебе все же настигло меня: я умираю, не зная, разыщут ли тебя, и боюсь за будущее своих детей. Все это звучит немного бессвязно, поэтому позволь мне объясниться в нескольких словах, пока у меня есть силы писать.

Кристина, моя родная сестра, я хочу, чтобы ты взяла на себя заботу о моей семье. Многие удивятся этому – я не буду пытаться убедить тебя в обратном. Вокруг тебя образовалось нечто вроде легенды, и по этой легенде, ты ведешь веселую, рискованную и яркую жизнь. Но сейчас все это кажется мне несерьезным, и меня не покидает твердая уверенность в том, что в душе ты осталась той же Кристиной, которую я крепко любил все первые двадцать два года своей жизни; той же Кристиной, наделенной открытым сердцем и великодушием, умением понимать и сочувствовать, радоваться жизни.

Когда я оглядываюсь на наше детство и на наше воспитание, я ясно вижу, почему ты так себя повела. Мои дети никогда не должны испытать на себе те ужасы, что испытала ты, когда тебя вынуждали подавлять чувства и учили не верить в свои силы. Да, такое может подтолкнуть на подобные поступки, по сути, это естественный порыв для нормального человека, но нельзя допустить, чтобы из-за этого им захотелось сбежать из родного дома. И так как я очень волнуюсь за своих детей и хочу, чтобы они были счастливы, я прошу тебя вернуться и позаботиться о них. Если ты не приедешь – или не сможешь приехать, – я оставлю альтернативные распоряжения своим поверенным, но все же я умоляю тебя выполнить мою просьбу. Элизабет – она очень похожа на тебя – становится импульсивной и порывистой и боится что-то пропустить в жизни. Уверен, ты можешь дать ей гораздо больше, чем смог бы я. У Дональда более сложный характер – его эмоции спрятаны глубоко, он очень замкнутый по натуре. Мне редко удавалось понять его, поэтому я молюсь, чтобы тебе сопутствовал успех там, где я потерпел неудачу. Питер – добрейшая душа! Думаю, это потому, что мы с его матерью любили его сильнее других, так как он был слабеньким от рождения. Сейчас от слабости не осталось и следа, но именно его болезненность и те трудности, с которыми связано его появление на свет, и стали причиной смерти Денизы. Естественно, я не мог поставить это ему в вину; я просто любил его сильнее, потому что его мать считала: его приход в этот мир в полной мере стоил всех ее мучений.

Вот моя семья, Кристина, и я верю – говорю это без доли тщеславия, – что они будут скучать по мне, когда меня не будет. Я прошу тебя стать отцом и матерью для них. Знаю, это тяжелая задача. Но что-то внутри меня – что-то более сильное, чем мое ограниченное сознание, – подсказывает мне, что ты выполнишь все, о чем я тебя прошу, и выполнишь это успешно. Все последние месяцы меня не покидало ощущение, что Дениза подталкивает меня к тому, чтобы я связался с тобой, – возможно, она знает и видит гораздо больше, чем я. Как бы то ни было, я счастлив подчиниться ее призывам и велениям собственного сердца.

Все свои деньги я оставил в доверительном управлении, но из них я выделил тебе пожизненное содержание, не ограниченное никакими условиями. Я также оставил тебе дом на тот период, пока Дональд не достигнет совершеннолетия. Думаю, ты всегда любила «Четыре ивы», возможно, даже сильнее, чем я. Я хорошо помню, как одним весенним утром ты стояла в саду, подняв лицо к синему небу, и повторяла «Ах, как красиво, как красиво, как красиво!» так, будто эта красота была внутри тебя. У меня есть и еще одно воспоминание о тебе. Ты была подростком и в чем-то провинилась – не помню уже в чем. Папа поднялся в детскую и в своей характерной мрачной, суровой манере принялся ругать тебя. Помню, как он глухим, замогильным голосом – при его звуках мне всегда представлялся церковный склеп – сказал: «Кристина, что, по-твоему, Господь подумает о твоём злодеянии?» Ты с вызовом посмотрела на него – ты всегда была храбрее меня – и ответила: «Господь? Он, конечно, простит меня. А разве не для этого Он там?» Твои слова потом часто звучали у меня в голове. Ты не сомневалась, что будешь прощена, поэтому я тоже могу быть уверен в том, что ты простишь невнимание и непонимание, которые отличали мое отношение к тебе все эти годы. Кристина, прости меня и открой свое сердце моим детям, которых я оставляю на твое попечение.

Да благословит тебя Господь, дорогая моя!

Твой любящий брат
Артур».

Подпись в конце этого длинного письма была бледной, как будто автор истратил все свои силы и в последний момент плохо владел рукой. Хотя Кристина читала его многократно, каждый раз у нее на глаза наворачивались слезы. Дорогой Артур! Она живо представляла его: как он проводит рукой с длинными пальцами по волосам, подбирая нужное ему слово, как его лицо становится задумчивым. Она чувствовала, что за долгие годы Артур почти не изменился – он всегда был слишком стар для своего возраста. Иногда она посмеивалась над его непоколебимостью, называя его скучным и уверяя, что он никогда не получит радости от жизни. Ее пророчество оказалось верным: еще не достигнув двадцати лет, Артур объявил о своем намерении посвятить себя служению Богу. Он был усердным и прилежным мальчиком; в двадцать два он был таким же прилежным и усердным молодым человеком. Он назвал себя педантом. Да, наверное, педантизма у него хватало. Трудно было ожидать, что он как-то иначе отреагирует на ее бегство из дома. Артур всегда боялся отца и полностью зависел от него во всем.

А противостоять преподобному Уильяму Диллону было нелегко. Кристина хорошо помнила, какой ужас испытывала, когда однажды на рассвете кралась к двери, чтобы убежать с Гарри, – ужас, аномальный по своей силе. Вероятно, такой ужас испытывал дикарь, открыто бросаая вызов своему богу. Этот ужас кардинально отличался от нормального страха ребенка перед строгим родителем.

Преподобный Уильям Диллон держал своих домочадцев крепкой хваткой, его психологическое давление было значительно хуже физической силы. Кристина хорошо помнила все ограничения, определявшие каждый их шаг в детстве, и несоразмерную проступкам жестокость, в которой не было никакой нужды, но которую отец насаждал с непонятным остервенением.

Отец, без сомнения, был хорошим человеком, искренним, его вдохновляла сильная и истинная вера. Однако ему недоставало человечности, а также сострадания и понимания слабости человеческой натуры, а ведь это и есть знаменитые качества Христа и суть его учения, о чем многие забывают. Для преподобного Уильяма Диллона черное было черным, а белое – белым, и полутонов для него не существовало – тех самых полутонов, где дружба одерживала верх над ненавистью, а сострадание и прощение отменяют справедливое возмездие.

Уильям Диллон очень сильно любил своих детей, а Кристину особенно. Мужественный по натуре, он отдавал предпочтение дочери. Он гордился Артуром, гордился его успехами в школе, его тихим характером и пунктуальностью, его так рано принятым решением принять духовный сан. Однако частичка его души, жестоко подавляемая в течение всей его жизни, восхищалась теми языческими чертами, которые он видел в своей дочери. Естественная веселость Кристины, ее красота, ее любовь ко всему прекрасному, ее беззаботность – все это побуждало преподобного Уильяма Диллона баловать ее, уступать ей и занижать уровень своих требований. Поэтому он жестоко боролся против собственной слабости и иногда бывал строг с дочерью до несправедливости; а дети не понимали, что он наказывает не Кристину, а себя самого. Артур боялся отца, Кристина же всячески сопротивлялась. Артур размышлял над нотациями и наказаниями, Кристина мгновенно забывала о них. Она не могла не быть счастливой! Разве можно не смеяться и не веселиться, когда светит солнце и поют птицы! Как получилось, что у Уильяма и Сары Диллон родилась дочь с таким сложным и противоречивым характером, до сих пор остается загадкой, решить которую способна только матушка-природа.

Сара была тихой и незаметной, как привидение. Ее существование почти не влияло на жизнь ближайших родственников. Если муж и любил ее, он практически не показывал этого. Он всегда был любезен с ней, однако она все равно передвигалась по дому бесшумно, как тень. Ее роль в воспитании детей была ничтожной. Кристина не помнила, чтобы когда-либо сильно любила мать. Оглядываясь на свое детство, она видела только Артура, которого любила, и отца, которого уважала, однако это уважение периодически прерывалось всплесками дикой ненависти.

Эти два чувства были самыми сильными в ее жизни. До знакомства с Гарри других не существовало. И разве удивительно, что она полюбила его с первого взгляда? Он стоял, облокотившись на деревянные ворота, которые вели в церковный двор.

– Это Грин-Энд? – обратился он к ней с вопросом.

Кристина, будучи дочерью викария, давно привыкла общаться с незнакомыми людьми, поэтому без доли смущения ответила:

– Все верно. Некоторые думают, что здесь, у нас, вообще конец света.⁴

– Именно это я и хотел сказать, вы меня опередили, – улыбнулся незнакомец. – Позвольте пройти?

– Конечно, – ответила Кристина. – На церковный двор доступ открыт всем.

Он изобразил благоговейный трепет, и они засмеялись.

– Надеюсь, мне еще не скоро понадобится здесь местечко.

Они снова засмеялись, и смеялись чуть дольше и чуть громче, чем того требовала шутка.

И в это мгновение с ними что-то произошло. Кристина даже почувствовала, как ускорился темп... Появилась вибрация... нечто волнующее и волшебное, и это нечто завладело ими обоими. У нее запылали щеки, а глаза заблестели. Она видела восхищение в глазах незнакомца – а разве он незнакомец? В тот момент ей казалось, что он – олицетворение всего, о чем она мечтала или читала.

Они осмотрели церковь – во всяком случае, Кристина показывала Гарри церковь, он же смотрел только на нее. Прохладный полумрак здания, сложенного из серых камней, и их приглушенные голоса только обостряли ощущение близости и пробуждали в ней не известный ранее восторг.

Они снова вышли на солнечный свет – никогда в жизни солнце не казалось ей таким ярким и ослепительным.

– Где вы собираетесь остановиться? Где-нибудь поблизости? – спросила Кристина и поняла, что в ее вопросе скрывается тревога: увидится ли она с ним снова? Или он уедет навсегда?

– Вообще-то да, – ответил Гарри. – До настоящего момента я в этом сомневался.

Она поняла намек, и ее охватила сладостная дрожь.

– Как вас зовут? – поинтересовался он.

Ей показалось странным, что он до сих пор не знает.

– Кристина Диллон. Мой отец викарий Грин-Энда.

– Вы живете здесь постоянно?

Гарри перевел восхищенный взгляд на крохотную деревушку с домиками с соломенными крышами и садами, изобиловавшими цветами.

– Да, вон там наш дом. – Кристина указала на дом через дорогу. – Он называется «Четыре ивы». Наша семья живет в нем много лет. А дом священника вон там, рядом со школой.

– И вам здесь не скучно?

⁴ Игра слов: «end» по-английски «край, конец».

Кристина на секунду задумалась.

– Я никогда не знала другой жизни, – ответила она, – поэтому мне не может быть скучно.

Она произнесла все это с некоторым вызовом. Ей не хотелось, чтобы он осуждал ее и с пренебрежением относился ко всему, что было ей дорого.

Словно подслушав ее мысли, Гарри тут же развеял все ее опасения.

– Вы слишком совершенны! – сказал он. – Не верится, что здесь нет никакого подвоха.

– Никакого, насколько мне известно, – улыбнулась Кристина.

Часы на церкви пробили четыре. Кристина лихорадочно соображала. Рискнуть и пригласить его на чай? Но какой предлог придумать? Да, рискнуть. А почему бы нет? Что может ее остановить? На чай заходит множество людей – скучных и занятых только добрыми делами. Почему она не может пригласить кого-то другого? Так рискнуть?

Она оглядела идеально сидевший на Гарри серый фланелевый костюм, красную гвоздику в петлице, мягкую шляпу, надвинутую на глаза и слегка заломленную набок. Гарри и ее отец... она едва не расхохоталась при мысли об их знакомстве. И бросилась в омут.

– Приглашаю вас зайти к нам на чашечку чаю, мистер?.. – Она сделала паузу.

– Хантер, Гарри Хантер.

Он посмотрел на нее выжидательно, как будто готовился услышать звуки фанфар.

– Так вы зайдете?

По выражению его лица Кристина поняла, что он удивлен. Так чего же он от нее ожидал?

– С удовольствием выпью чаю. Вы чрезвычайно любезны. Вы уверены, что никто не будет возражать?

– Надеюсь, не будет.

Ее тон сказал ему о многом, и он последовал за ней через дорогу к воротам, которые вели в сад «Четырех ив». Чай обычно сервировали на лужайке, и Кристина предложила Гарри присесть на один из жестких зеленых садовых стульев, расставленных симметрично вокруг стола.

– Подождите здесь, – сказала она. – Я пойду сообщу отцу.

– А это обязательно? – Казалось, его удручает одна мысль о расставании с ней.

– Боюсь, обязательно.

– Тогда постарайтесь вернуться поскорее... Кстати, пока вы не ушли, посоветуйте, о чем мне говорить с викарием?

Именно в это мгновение Кристина впервые испугалась того, что сделала.

– Вы должны дать ему понять, что вам интересна церковь, – поспешно заговорила она. – Ведь я вам немало рассказала о ней.

– А я не услышал ни слова. Я смотрел на ваши губы.

Кристина покраснела, страх, владевший ею, усилился.

– Я схожу за отцом.

Она быстро пошла прочь, пока Гарри не успел остановить ее...

– В самом деле, Кристина, – сказал преподобный Уильям Диллон несколькими мгновениями позже, – не понимаю, зачем ты пригласила на чай совершенно чужого человека. Если бы мы приглашали к своему столу всех, кто приезжает взглянуть на церковь, мы могли бы уже открыть ресторан.

– Извините, отец, но мне показалось, что он заинтересовался. Он задавал столько вопросов, что я не смогла ответить на все и подумала, что лучше привести его к вам.

Это был правильный ответ. Уильям Диллон довольно улыбнулся. Церковь в Грин-Энде, построенная в саксонском стиле, была его главным увлечением. Мысленно он называл ее «моя церковь» и тратил на нее значительную часть собственных денег – на реставрацию, на

поддержание ее красоты и на изыскания в древних архивах и книгах графства. Он планировал однажды опубликовать краткий очерк об истории церкви Святого Христофора в Грин-Энде, однако это было его тайной, он не рассказывал о ней даже самым близким людям.

– Отлично, Кристина, – заключил он, вставая из-за стола. – Пойду познакомлюсь с этим джентльменом. Как, ты сказала, его зовут?

– Мистер Хантер.

– Хантер? Никогда не слышал о нем, – пожал плечами викарий и вышел в сад.

Позже, сидя наедине с Гарри, Кристина мысленно улыбалась, думая, что ему было полезно узнать, что о нем не слышали по крайней мере два человека в Англии. Его слишком переполняло осознание собственной значимости и популярности, он гордился бесконечным потоком писем от поклонников и фанатичным восторгом женской части зрителей. Поэтому для него стало своего рода шоком, что два человека – причем один из них женщина – не только никогда не слышали о нем, но и ничего не знают о жизни, которую он считал крайне важной.

– Вы никогда не бываете в театре? – изумленно спросил он у Кристины день или два спустя.

– Естественно, бываем, – ответила она. – Каждый год на Рождество мы ездим на праздничные представления в Лондон, а иногда в Кембридж.

– И что вы смотрите, когда ездите в Кембридж? – поинтересовался он.

– В прошлом году мы смотрели «Венецианского купца», а в позапрошлом – «Сон в летнюю ночь».

– Шекспир! – Без сомнения, Гарри Хантер был потрясен. – А вы никогда не ходите на хорошие, правильные пьесы?

– Что вы подразумеваете под «хорошими»? – В Кристине проснулся озорной чертенок.

– Вы безнадежны! – сделал вывод Гарри.

Потом им овладела идея показать Кристине театр таким, каким он виделся ему. Он хотел, чтобы она в полной мере прочувствовала его волшебную атмосферу.

– Я покажу вам, что такое театр на самом деле, – с горячностью пообещал он.

Взгляды Кристины были достаточно независимыми, чтобы она смогла понять: театр для Гарри Хантера – это сам Гарри Хантер в театре.

Она понимала, что он тщеславен и эгоистичен, что он о себе очень высокого мнения, – но не обращала на это внимания. С какой стати? Она уже была влюблена, ею владело сильное и всепоглощающее чувство.

Отец ни о чем не догадывался. Гарри же быстро сообразил, какую роль нужно сыграть, и сыграл ее великолепно.

– Я всю жизнь интересуюсь древними зданиями, сэр. Конечно, я мало знаю о них. Я был слишком занят, зарабатывая себе на хлеб, – когда много работаешь, трудно выкроить время для подобных изысканий. Полагаю, у каждого человека есть тайное увлечение. Мое – архитектура. Надеюсь, я не перейду границы, если попрошу вас объяснить мне кое-что? Я слышал, что вы величайший эксперт.

Гарри умел делать комплименты, и при этом его слова звучали настолько искренне, что самые циничные и подозрительные натуры верили ему. После своего первого разговора с викарием он унес под мышкой несколько книг по архитектуре...

– Я буду обращаться с ними очень бережно. Я считаю, что вы оказали мне огромную честь, доверив их мне.

– Это лишний раз доказывает, – обратился к Кристине отец после ухода Гарри, – что нельзя оценивать человека по внешности. Перед нами человек, которого средний легкомысленный обыватель никогда бы не заподозрил в интересе к старым камням и кирпичам. Я

хвалю себя, Кристина, за то, что смог разглядеть скрытое внутри, что не вынес поспешных, поверхностных оценок.

– Да, отец.

Кристина вспомнила, как Гарри прощался с ней. Он задержал ее пальцы в своей руке чуть дольше, чем требовалось. Зато тон у него был холодным и равнодушным:

– До свидания, мисс Диллон, до свидания, викарий, спасибо за вкусный чай. Я надолго запомню нашу встречу.

Последние слова он произнес, глядя на Уильяма Диллона, и поклонился. Викарий был в восторге.

А вот Кристина слышала в его речах иной смысл. Позже – причем довольно скоро – ей суждено было убедиться в том, насколько она была права.

В ту ночь она думала только о Гарри. На следующее утро он снова пришел к церкви. Кристина – она расставляла в доме цветы – не поверила своим глазам, когда увидела на пороге девушку с зажатым в кулачке шестипенсовиком.

– В чем дело, Мери? – спросила она.

Девчушка огляделась по сторонам, чтобы проверить, не подслушивают ли их, и ответила:

– Там, у церкви, один джентльмен хочет поговорить с вами, мисс. Он сказал, чтобы я передала это только вам.

– Джентльмен? – Кристина едва не выронила букет.

– Очень красивый, мисс, он сказал, что вы должны прийти как можно быстрее – но он будет ждать вас все утро.

– Спасибо, Мери. Это знакомый викария. Наверное, он хочет, чтобы я показала ему церковь.

Кристина переделалась и оглядела себя в зеркале долгим, встревоженным взглядом. Действительно ли у нее глаза сияют ярче, чем обычно? Она прошла через сад и перебежала через дорогу.

– Я едва вас дождался! Просто измучился от нетерпения!

При этих словах Кристина поняла, что тоже с нетерпением ждала встречи.

Он взял ее руки в свои, и она даже не попыталась их выдернуть.

– Я никогда в жизни не встречал такого человека, как вы.

Это могло бы быть правдой, если бы это сказала она. Только Кристина ничего не могла произнести, от счастья лишившись дара речи. Она лишь трепетала от какого-то непонятного восторга, который наполнял все ее существо.

– И вы не возражаете против того, что я пришел?

– Нет, зачем мне возражать?

– А вы рады... рады снова видеть меня? Пожалуйста, ответьте.

– Рада... очень рада.

Они стояли и смотрели друг на друга, ощущая только волшебную силу, которая притягивала их друг к другу, которая превращала их в единое целое, которая делала слова и действия ненужными.

«Ах, Гарри, Гарри», – взывало сердце Кристины. Она уже понимала, что полюбила его – безрассудно и окончательно.

Именно Артур первым омрачил ее счастье. Решив провести выходные дома, он вернулся из Кембриджа в пятницу вечером. Гарри, который провел всю вторую половину дня с Кристиной и попил чаю с викарием, уже уходил.

Они обменялись рукопожатием – Артур, простой, непосредственный, юный, но выглядящий старше своих лет; и Гарри, изящный, искушенный, уверенный в своей привлекательности и расчетливо пользующийся ею.

– Ваш отец проявил исключительную любезность по отношению ко мне. За несколько часов я узнал больше, чем за несколько лет чтения книг. Возможно, умиротворенность этого места располагает к учебе. Не понимаю, как вы можете бросать все это ради суматошного и шумного Кембриджа?

Кристина обратила внимание, что Артур отвечает односложно. Когда Гарри ушел, когда вдали стих звук от его маленькой, громко тарахтевшей машинки, она с улыбкой повернулась к брату.

– Это Гарри Хантер, – сообщила она не без благоговейного трепета в голосе.

– Ах, так вот кто это такой! – воскликнул Артур. – Я как раз собирался узнать, как зовут этого прохвоста. То-то мне казалось, что я его где-то видел. Что, ради всего святого, ему здесь понадобилось?

У Кристины был такой вид, будто Артур ударил ее.

– Он не прохвост! Как ты смеешь говорить такие вещи!

– Не прохвост? – возмутился Артур. – Детка моя, этот человек насквозь лживый. Как ты этого не видишь! Хотя вряд ли тебе нужно защищать его. Судя по тому, что я успел разглядеть, мистер Хантер вполне способен сам постоять за себя.

– Как ты смеешь говорить такие вещи! Как ты смеешь!

Кристина налетела на брата, как фурия. Сначала он смотрел на нее с удивлением, потом с ужасом.

– Послушай, Кристина, неужели ты хочешь сказать, что он тебе нравится... Боже мой! Кристина...

Но она убежала в дом. Быстро взбежала по лестнице и спряталась в своей спальне. Артур услышал, как хлопнула дверь.

Кристина хорошо помнила, как стояла, привалившись к закрытой двери. Ее трясло от гнева. Как он посмел! Как Артур посмел говорить такое!

Неожиданно она упала на кровать и зарылась лицом в прохладную и мягкую подушку.

– О, Гарри, Гарри. Я люблю тебя! Я так тебя люблю!

Поезд замедлил ход, подъезжая к станции. Чей-то голос прокричал:

– Грин-Энд, Грин-Энд!

Кристина собрала вещи и направилась к выходу. Она приехала домой.

Глава 3

Создавалось впечатление, будто деревня уменьшилась в размерах, съежилась. Неужели дорога всегда была такой узкой, а домики – такими крохотными? Когда-то, подумала Кристина, путь от «Четырех ив» до перекрестка казался долгим. Сейчас же такси преодолело это расстояние за несколько минут. У нее едва хватило времени заметить в окне знакомые вехи. Вот вывеска «Т. Бек, мясник» – как же они ненавидели запах из его магазина и пронзительные крики, доносившиеся со двора, когда он забивал свинью. Вот маленький магазинчик с окнами в стиле королевы Анны⁵ – он расположен между уродливой часовней из красного кирпича и памятником жертвам войны и принадлежит Эдвину Сэнди, пекарю. При виде магазинчика Кристине сразу вспомнились булки с хрустящей корочкой, сдобные лепешки, кексы к чаю и «крестовые булочки»⁶ со смородиной, которые ели в Великую пятницу. А вон там, чуть дальше, красный почтовый ящик – почта, которая также является и деревенской лавкой, где продается все. Ее витрина – Кристина вспомнила, как в детстве подолгу гладела на выставленные в окне леденцы на палочке и лимонные монпансье, – заклеена крест-накрест полосами оберточной бумаги, чтобы во время бомбежек не вылетели стекла. Рядом школа с отгороженной площадкой для игр, где несносные деревенские мальчишки пели ей «О всех созданиях – прекрасных и разумных»⁷, и чем старше она становилась, тем яснее они осознавали ее красоту.

Такси проехало мимо к церкви, такой же величественной, серой и незыблемой, как и раньше. Она не поддавалась векам разрушения и упадка, и было маловероятно, что в ее облике что-то изменится за жизнь какой-то Кристины Диллон. А вот и ворота, где они с Гарри впервые встретились... Машина остановилась у «Четырех ив».

Кристина машинально отметила, что забор нужно покрасить, что живая изгородь, бывшая некогда особой гордостью садовника, нуждается в стрижке. Сад сильно зарос, но старый кедр все еще возвышался над скамейкой, на которой...

Кристину внезапно охватила паника. Ее испугала мысль, что надо вылезти из машины и войти в дом. Таксист открыл дверцу.

– Приехали, мисс, «Четыре ивы», с вас два шиллинга и шесть пенсов.

Таксист был молодым, и Кристина совсем его не помнила. Она заметила, что он слегка прихрамывает, и решила, что именно поэтому он не служит в армии. Она отдала ему деньги, он ее вежливо поблагодарил и взял в руки ее чемоданы.

Краска на двери облупилась и висела лохмотьями. Кристина позвонила. Может, следует просто войти? В конце концов, это ее дом.

На звонок никто не ответил.

– А вдруг звонок не работает, – нервно проговорила она скорее ради того, чтобы нарушить неловкое молчание.

Таксист поставил чемоданы на землю.

– Наверное, никого нет. Миссис Поттон приходит в первую половину дня, а после обеда она редко здесь бывает. Если подождете, мисс, я обойду дом и проверю заднюю дверь – хотя думаю, и парадная не заперта.

– Может быть... вероятно... – Кристина колебалась.

В этот момент дверь распахнулась. На пороге стоял маленький мальчик лет восьми, и Кристина догадалась, что это Питер.

⁵ Окно с верхним переплетом, состоящим из небольших панелей.

⁶ Булочка с крестом на верхней корке.

⁷ Англиканский церковный гимн.

– Ты Питер? – спросила она. – Я твоя тетя.

– Тетя? – переспросил мальчик. – А я не знал, что у нас есть тетя.

– Так вы меня не ждали? – удивилась Кристина. – Я послала телеграмму.

Мальчик посмотрел в глубь дома.

– Кажется, вчера принесли какой-то конверт, – сказал он, – но Элизабет не было дома, а Дональд его не вскрыл.

Он направился внутрь и взял желтый конверт с дубового стола у подножия лестницы.

Кристина вслед за ним прошла в дом.

– Полагаю, это та самая телеграмма. А дома кто-нибудь есть?

– Нет, никого, – ответил Питер. – Дональд ушел после обеда, миссис Поттон придет, чтобы напоить нас чаем, а сейчас она дома, кормит мужа.

– Ну, я рада, что хоть ты оказался дома, – улыбнулась Кристина, – хотя мне и жаль, что вы не прочитали телеграмму. Я ваша тетя Кристина, сестра вашего отца.

– А-а, – без особого энтузиазма произнес Питер, обладавший присущей многим детям способностью не удивляться неожиданностям.

Кристина вдруг сообразила, что таксист стоит в дверях и внимательно прислушивается к их разговору.

– Поставьте чемоданы у входа, – сказала она. – Я займусь ими потом. Большое вам спасибо.

Таксист выполнил ее указание и с улыбкой посмотрел на нее.

– Как я понимаю, вы сестра последнего викария, – сделал он вывод. – Честное слово, мы рады вас видеть. Ведь приход очень волновался за детей. Это же противоестественно, чтобы дети жили одни. Мы слышали, что должна была приехать одна женщина, чтобы присматривать за ними, но она заболела. В общем, хорошо, что вы здесь. Добро пожаловать.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Кристина. Его дружелюбие вдруг наполнило ее ликованием. – Я тоже рада, что приехала, – добавила она. – Надеюсь, я увижу старых друзей.

– Наверняка, мисс. Мы часто говорили о вас, очень часто.

В его словах был подтекст, и Кристина догадалась, что отзывы о ней были не всегда лестными.

– Спасибо, – повторила она, – спасибо, мистер...

– Джордж Коснетт, так меня зовут. Каменщик по специальности. А еще у меня единственное в деревне такси. Мастер Питер расскажет вам, где меня найти, если я понадобится.

– Спасибо, мистер Коснетт, и всего вам хорошего.

– До свидания, мисс.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

Кристина обратилась к маленькому племяннику:

– Это правда, что вы живете одни?

– У меня есть Дональд и Элизабет.

– Да, конечно, но я имею в виду взрослых – кто за вами присматривает?

– Ой, говорили об одной старухе, которая должна приехать из Шотландии. Наверное, она какая-то родственница мамы – не помню, кем она нам приходится, – но она заболела. Они написали нам и предложили прислать кого-то еще, но Элизабет сказала, чтобы они не волновались.

– Элизабет дома?

– Нет, она уехала на танцы на аэродром Нортон. Вместе с Агнес Вуллок. Она противная. Мы с Дональдом не выносим ее.

– Почему?

– Ой, она хихикает и строит глазки всем встречным мужчинам, даже Дональду, когда надеется чего-нибудь от него добиться. От нее просто тошнит.

– Но Элизабет она нравится?

Кристине стало совестно от того, что она задает так много вопросов самому младшему члену семьи, однако она успокоила себя, решив, что чем больше ей удастся узнать об этих детях и об их вкусах и предпочтениях, тем легче будет найти с ними общий язык.

Прежде чем Питер успел ответить, раздался какой-то шум, потом послышался сердитый голос и шаги. В следующее мгновение входная дверь открылась.

– Ну-ка быстро позови сюда кого-нибудь из старших, – сказал мужской голос, низкий и властный.

– Уверяю вас, здесь никого нет. – Голос был мальчишеским, а тон дерзким.

Собеседники прошли в холл. Мужчина оказался высоким, темноволосым, с бровями, почти сходявшимися на переносице, и странным, привлекающим внимание лицом: по определенным меркам, красивым, но одновременно неприятным и даже слегка отталкивающим. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: он злится, причем очень сильно. Под мышкой одной руки незнакомец держал ружье и тащил за рукав куртки мальчика лет четырнадцати.

Кристина сразу догадалась, что это Дональд. При виде незнакомой женщины на его лице отразилось удивление. Однако Кристина не успела разглядеть своего старшего племянника, так как мужчина сердито осведомился:

– Это ваш мальчик? Вы за него отвечаете?

– По всей видимости, да... – растерялась Кристина.

– Тогда позвольте заявить, что я по горло сыт этим. Уже второй раз я ловлю его на незаконной охоте в моем лесу. В первый раз я его предупредил и велел, чтобы подобное не повторялось. Сегодня днем я поймал его на месте преступления. Я не отвел его в участок только потому, что не хотел устраивать в деревне скандал. Но это последний раз, когда я его отпускаю. Ясно? Следите за ним, иначе вас ждут неприятные последствия.

Кристина беспомощно перевела взгляд с мужчины на Дональда. Она видела, что мальчик совсем не испуган и поглядывает на нее с интересом. «Какой симпатичный паренек!» – пронеслось у нее в голове. У него было много общего с Артуром, в частности, такое же четко очерченное лицо и глубоко посаженные глаза.

– Прошу прощения за случившееся... – начала она, но ее снова перебили.

– Думаю, лучше всего будет, если я конфискую ружье, – заявил незнакомец. – Подростку, который не знает, что такое дисциплина, нельзя доверять оружие.

Кристина посмотрела в глаза незнакомцу и подумала: «От гнева они действительно горят ярким пламенем – а я-то полагала, что эту метафору используют только авторы романов».

Неожиданно ее охватило раздражение, ее возмутило, что ей в такой хамской манере читают лекцию. Кто он такой? Что-то она его не помнит. Интересно, в чьих владениях охотился Дональд?

– Я сомневаюсь, что у вас есть право конфисковать чье-либо оружие, – твердо проговорила она. – Я уверена, что мой племянник, – краешком глаза она заметила, как на этом слове Дональд вздрогнул, – сожалеет о том, что нанес ущерб вашим птицам. – Она обратилась к Дональду: – Как я понимаю, ты нарушил границы владений этого джентльмена.

Дональд отвел взгляд и переступил с ноги на ногу. Заинтересованное выражение исчезло с его лица, он сразу помрачнел.

– Да, нарушил. Но я не единственный в деревне, кто ест колбасный фарш, когда у других полно дичи.

– Вот видите! – восторжествовал незнакомец. – Это же коммунистическая пропаганда чистой воды!

– Если вы предоставите это дело мне, – строго произнесла Кристина, – я позабочусь о том, чтобы подобное не повторилось. Сблаговолите отдать мне ружье.

Она протянула руку, и в это мгновение их взгляды встретились. Они смотрели друг на друга, и Кристина почувствовала, что схлестнулись два характера. Наконец незнакомец грубо сунул ружье ей в руку. Его действия иначе как бестактностью назвать было нельзя.

– Предупреждаю тебя, парень, – обратился он к Дональду. – В следующий раз я сдам тебя полиции.

Резко повернувшись, он зашагал к входной двери. Кристина заметила, что он хромает и что подошва одного сапога нарощена. Мужчина вышел на крыльцо и, не оглянувшись, хлопнул дверью.

Повисло тягостное молчание. Все трое ошеломленно таращились на входную дверь, а Кристина при этом еще сжимала в руке ружье.

– Кто это?

Ей ответил Питер:

– Это мистер Майкл Фарли.

– Фарли? – повторила Кристина. – Где он живет?

– В Марстон-маноре.

– В доме полковника Дингла? А что с полковником?

– О, он давным-давно умер. А потом сюда приехал его сын. Полковник много охотился, разрешал Дональду стрелять зайцев, но потом его убили под Дюнкерком, и сейчас Манор получил этот дядька. Мы его ненавидим, правда, Дональд?

– Он самая настоящая свинья, – в сердцах проговорил Дональд.

В его голосе слышалось возмущение и даже вызов. Кристина догадалась, что этот вызов адресован ей – мальчик заранее готовится к тому, что она примется осуждать или обвинять его.

Маловероятно, с замиранием сердца сказала она себе, что вся эта история пробудит в душе племянника теплые чувства к ней. Какому мальчику – или мужчине – понравится, когда его застигнут на месте преступления. Кристина мысленно быстро перебрала различные методы сближения и, приняв решение, протянула Дональду ружье.

– В общем, будь осторожен, чтобы тебя не поймали в третий раз, – сказала она. – Будет лучше, если в свою следующую браконьерскую экспедицию ты пригласишь с собой меня. Я хорошо знаю здешние леса.

Она увидела удивление и облегчение на лице Дональда. Однако он все еще был настороже – он от природы отличался подозрительностью.

– Я объяснила Питеру, кто я такая, – поспешила Кристина сменить тему и улыбнулась. – Я отправила вам телеграмму, но, как видно, вы ее не распечатали.

– Мы думали, это для Элизабет, – сказал Дональд. – Поэтому тут же забыли о ней. Странно, что миссис Поттон ее не прочитала: она везде сует свой нос.

– А вам известно, что меня пытались разыскать поверенные вашего отца?

Дональд кивнул.

– Да, Элизабет что-то говорила. Кстати, она скоро должна приехать, только с ней невозможно разговаривать, когда она возвращается с гулянок.

– Хорошо, – сказала Кристина, – а теперь кто из вас покажет мне, какие спальни заняты, чтобы я подобрала себе комнату и распаковала вещи? Я выехала сегодня очень рано. Вы же знаете, какие жуткие поезда ходят сейчас из Лондона.

– Я покажу, – вызвался Питер.

Дональд промолчал, и Кристина, поддавшись порыву, проговорила:

– Я очень рада, что вернулась сюда, ведь это и мой дом. Мы с вашим отцом всегда его любили, когда были детьми. Не могу передать, как я счастлива, что снова здесь. Это и ваш

дом, и раз уж нам суждено жить вместе, вам придется рассказать, какие у вас тут правила, чтобы никто не задевал ничьих чувств.

Кристина произнесла эту маленькую речь на одном дыхании. Это была попытка разрушить барьеры, которые неизбежно должны их разделять. Однако она сразу поняла, что ее слова ни в малейшей степени не тронули Дональда, и ее охватило смущение. Пока она говорила, он переломил ружье, заглянул в стволы, потом снова закрыл и ничем не показал, что слышит ее.

– Давайте пройдем наверх, – вежливо предложил Питер, и Кристина поспешила за ним, впервые за все время испытывая ужас перед той ответственностью, что свалилась на нее.

«Зря я не родила детей», – подумала она. Ею владело смущение и отнюдь не слабый страх перед сыновьями Артура.

Но выяснилось, что иметь дело с Питером несложно. Мальчуган весело болтал, показывая ей комнаты, однако Кристина чувствовала, что это – обычная вежливость, что он точно так же вел бы себя с другими людьми.

«Двигаться вперед нужно медленно, – сказала она себе. – Я хочу, чтобы они полюбили меня. Я хочу, чтобы они воспринимали меня как близкую родственницу. В таких делах спешка не нужна».

Выбрав комнату, в которой ей предстояло жить, – во времена ее детства эта комната пустовала, – Кристина подошла к окну, устремила взгляд на лужайку и вдруг представила себя юной, нетерпеливой и полной жизни, со множеством собственных интересов и радостей, почти такой же, как Питер. Она вспомнила, какой независимой всегда себя чувствовала, хотя отец и пытался железной дисциплиной подавить все ее спонтанные порывы.

Неожиданно Кристина повернулась к Питеру:

– Питер, я приехала сюда не для того, чтобы мешать вам, а чтобы помочь, чтобы создать вам комфортную жизнь.

– У нас и так все неплохо, – заявил Питер, – хотя миссис Поттон плохая кухарка. Она кормит нас жутким колбасным фаршем, поэтому Дональд и охотится. На прошлой неделе он подстрелил зайца – вот было вкусно!

– Боюсь, я тоже неважная кухарка, – сказала Кристина. – Думаю, нам придется оставить готовку на миссис Поттон, во всяком случае, пока.

На лице Питера отразилось разочарование.

– Вкусной едой вы бы точно сделали нашу жизнь комфортной, – проговорил он. – А еще, конечно, штопаньем носков. У меня они все дырявые.

– Завтра же и начну, – пообещала Кристина.

Питер секунду смотрел на нее, будто размышляя, а потом медленно произнес:

– Конечно, так, как при маме, не будет, но если в доме снова появится женщина – добрая и красивая, – может, хуже от этого не станет.

Сердце Кристины забилося быстрее. Это был комплимент, которого она не ожидала, и он обрадовал ее, как ничто иное. Ей захотелось обнять Питера, но она одернула себя. Слишком рано для объятий, еще неизвестно, как он их воспримет. В поношенных серых фланелевых шортах и вязаном свитере он выглядел не мальчиком, а маленьким мужичком.

Послышались голоса, и кто-то позвал:

– Питер!

– Это Элизабет, – пояснил Питер. – Надеюсь, она не притащила к чаю эту ужасную Агнес.

Кристина вдруг оробела.

– Ты не мог бы спуститься вниз и сказать ей, что я здесь? – попросила она. – Не хотелось бы огоршить ее новостью.

– Все в порядке, идемте со мной, – сказал Питер. – Я хочу видеть ее физиономию, когда она увидит вас. Элизабет приводит в бешенство одна мысль о том, что кто-то будет присматривать за нами.

«Час от часу не легче», – с кривой улыбкой подумала Кристина.

Но Питер уже взял ее за руку и потащил за собой к двери. Прикосновение его детской ручки авансом вознаградило Кристину за все грядущие неприятности с Элизабет.

Они вышли в коридор и с верхней площадки посмотрели вниз, в холл. Там они увидели двух девушек – одна стояла перед пустым камином и пудрила носик, другая читала телеграмму, которую мальчики так и оставили нераспечатанной на столике у лестницы.

– Ой, Господи, только послушай! – воскликнула Элизабет и, задрав голову, увидела глядевших на нее Питера и Кристину.

«Она очаровательна» – была первая мысль Кристины. Уже спустившись вниз, она сообразила, что это очарование ей знакомо. И только обменявшись рукопожатием с племянницей, она все поняла. Элизабет необычайно походила на нее саму, когда она была в этом возрасте. Волосы у девушки были темнее, и выглядела она значительно более утонченной и уверенной в себе, однако сходство было очень явным. Те же голубые глаза, та же белая кожа с нежным румянцем, которую обычно называют «клубничкой со сливками», та же мимолетная улыбка, привлекающая своей юностью. При виде себя такой, какой она была двадцать два года назад, у Кристины сжалось сердце – не от зависти, конечно, такое чувство было бы абсурдным.

– Прошу простить, тетя Кристина, что меня не было дома, когда вы приехали, я была на танцах со своей подругой. Агнес, это моя тетя, я тебе рассказывала. Папины поверенные пытались ее разыскать.

– Как поживаете?

Кристина сразу поняла, почему мальчики так невзлюбили Агнес. Она жеманничала. Каждый ее жест, каждое ее слово – все было искусственным.

– Как вы провели время? – спросила она.

– Чудесно, – оживленно ответила Элизабет. – Мы легли только в три ночи, правда, Агнес?

– Мне ужасно хочется спать, глаза слипаются, я почти ничего не вижу, – с притворной усталостью произнесла та.

– Глупости! Ты проснулась очень поздно, – возразила ей Элизабет. – Все далеко не так ужасно! Поможешь мне приготовить чай? Полагаю, вы выпьете чаю? – обратилась она к Кристине.

– Да, с удовольствием.

– А после этого я покажу вам вашу комнату, хорошо?

– Спасибо, но Питер уже все устроил, – сказала Кристина.

– И где же вы будете спать? – Вопрос прозвучал довольно резко.

– В той комнате, которую мы когда-то называли пустой, – ответила Кристина. – Не знаю, как вы ее называете сейчас.

Она заметила, как девушки переглянулись.

– Ой!

– Ты предпочла бы, чтобы я заняла другую комнату?

– Ну, я просто думала... то есть если вы намерены поселиться здесь навсегда, то было бы лучше, если бы вы заняли комнату мамы и папы. И тогда у нас осталась бы свободная комната для гостей, не так ли?

У Кристины возникло ощущение, что Элизабет и Агнес уже обсуждали эту тему. Интересно, что за этим стоит? Разве это нормально, что девушка предлагает ей поселиться в комнате родителей – в той, в которой умерли Артур и Дениза?

– Тебе не кажется, что эта комната должна остаться... – Кристина замолчала, подыскивая слово. Она хотела сказать «неприкосновенной», но потом решила, что это прозвучит помпезно и старомодно.

– Ее все равно рано или поздно придется использовать, – нетерпеливо заявила Элизабет, – но если мы будем селить туда гостей – в общем, вы знаете, что такое деревня. Миссис Поттон входит в эту комнату на цыпочках и всегда говорит о ней шепотом, как будто там водятся привидения. Вы же – близкая родственница, и с их точки зрения будет абсолютно нормально, если ее займете вы.

Кристина колебалась; она испытывала странное нежелание спать в спальне, которая, как она хорошо помнила, считалась отцовской. Интересно, спрашивала она себя, что кроется за настойчивостью Элизабет? Неужто она намеревается пригласить в дом кого-то с ночевкой?

Девушки напряженно ждали ответа. Агнес нервничала, Элизабет же хранила спокойствие, только ее взгляд выдавал тревогу.

– Позволь мне подумать над этим, – мягко проговорила Кристина. – Сегодня я переночую в той комнате, где расположилась, а завтра мы с тобой все обсудим. Это твой дом, и я не хочу что-либо менять без особой необходимости.

– Наверное, здесь все здорово изменилось после вашего отъезда, да? – спросила Элизабет.

По тому, как она задала этот вопрос, Кристина поняла: Элизабет раздражена, если не сказать раздосадована.

– Мебель почти вся та же, – ответила Кристина. – Но выглядит она веселее и кажется легкой. Наверное, это потому, что твой папа и мама обили ее ситцем. Когда я была маленькой, шторы были либо темно-красными, либо алыми. Думаю, их повесила еще ваша прабабушка.

– Жуть какая! – воскликнула Элизабет. – Неудивительно, что вы сбежали.

– Ах, мисс Диллон, полагаю, это восхитительно – выступать на сцене? – осведомилась Агнес. – Я всегда мечтала играть, но мама даже слушать об этом не желает: она страшно старомодная.

– Жизнь актрисы нелегкая, к твоему сведению, – ответила Кристина. И подумала: «И нынешняя не будет легкой».

– Мы часто гадали, какой вы стали, – заявила вдруг Агнес. – Правда, Элизабет?

Элизабет кивнула, однако вид у нее был смущенный. «Слава богу, – сказала себе Кристина, – она не так бесцеремонна, как ее подруга».

– Я займусь чаем, – сдержанно сказала девушка. – Пошли со мной, Агнес. Питер, отведи тетю Кристину в гостиную.

Питер открыл дверь в продолговатую комнату, выходившую окнами на южную сторону и на сад.

Кристина на мгновение замерла на пороге. Здесь почти ничего не изменилось! Те же белые панели на стенах, те же картины, то же зеркало над камином – как часто она разглядывала себя в нем! Очень часто, когда ждала Гарри. Она представила, как он неожиданно входит в комнату через французское окно. У него хватало ума оставлять машину за церковью и заходить в дом со стороны сада, чтобы слуги его не видели.

«Любуешься собой?» – Кристина поспешно отвернулась от зеркала. От звука его голоса она вздрогнула, а ее сердце забилось быстрее.

«Гарри! Ах, Гарри, я так ждала тебя».

«Сама же тем временем любовалась собой? – Он обнял ее и прижал к себе. – Рассказать тебе, как ты прекрасна?»

«Да, расскажи».

«А ты жадная», – осуждающе покачал он головой, но почему-то его слова прозвучали ласково – так говорят с обожаемым ребенком.

Потом он наклонился и поцеловал ее в губы.

«Ты прекрасна... очень прекрасна, дорогая моя. Я схожу с ума, видя тебя и страстно желая тебя. Боюсь, я долго не выдержу. Вероятно, мне придется уехать».

«Уехать! – В ее возгласе слышалось страдание. – Но ты не можешь... то есть.. зачем тебе уезжать? О, Гарри!»

Кристина навсегда запомнила тот момент. Она откинула голову и посмотрела на него. И поняла, что что-то не так. Она вся напряглась в ожидании.

«Кристина, я должен тебе кое-что сказать, нечто, что мне следовало рассказать тебе давным-давно. Но я не рассказал... и сейчас мне очень тяжело... чертовски тяжело».

«О чем?»

Ее голос был чуть громче шепота. Ей стало страшно, она боялась того, что предстояло услышать.

«Кристина! Любимая моя, как же мне тебе сказать?»

«Говори, быстро говори».

«Я женат, Кристина. Я женат уже много лет».

Кристина вновь ощутила ту муку, что испытала тогда. Тут прозвучал голос Питера, звонкий, радостный и полный гордости:

– Это гостиня. Вы ее помните?

– Да, я ее помню, – медленно проговорила Кристина.

Глава 4

– Я говорила викарию – и повторяла это снова и снова тысячи раз, – что никакие дети никогда не нуждались в своей матери так, как эти трое. В общем, я сделала для них что могла после смерти бедняги.

– Я в этом не сомневаюсь, миссис Поттон.

Кристина на кухне разговаривала с круглолицей маленькой женщиной с пухлыми щеками, которая, как она узнала, «делала одолжение» семейству из «Четырех ив» почти семь лет.

Вести беседу с миссис Поттон было нелегко, так как она говорила без остановки, не давая никому вставить ни слова. Появление в доме нового слушателя она восприняла с восторгом и все утро ходила за Кристиной по пятам, рассказывая, рассказывая, рассказывая – о прошлом, о детях, о соседях и о событиях, происходивших в жизни соседей, причем последняя тема оказалась самой интересной и содержательной. Миссис Поттон знала абсолютно обо всем, что случилось в Грин-Энде.

– Я слышала, вчера здесь был мистер Фарли, – заявила она.

– Да, он пришел сразу после моего приезда, – сказала Кристина.

– Хотя я и не люблю никого осуждать, мисс, но никто в Грин-Энде не найдет доброго слова для мистера Фарли. Мы все любили полковника. Он был настоящим джентльменом и всегда помогал тем, кто обращался к нему за помощью, – никому не отказывал. Его сын тоже был хорошим человеком, да благословит его Господь. В тот день, когда пришла весть, что мистера Нейла убили, все плакали горячими слезами. Но этот человек... если хотите знать мое мнение, он выскочка, от него удалось добиться только того, что он племянник полковника. Интересно было бы узнать, кем был его отец! Меня не обманешь, мисс, уверяю вас: молодой Фарли – не тот человек, который должен жить в Маноре.

– Чем он занимается, что превратило его в такого неприятного субъекта? – спросила Кристина.

Миссис Поттон не смогла ответить на ее вопрос. Она знала только то, что Грин-Энду Майкл Фарли не нравится. Как догадалась Кристина, именно в этом и заключалась суть проблемы.

– Конечно, я не одобряю поступки молодого мастера Дональда, – продолжала миссис Поттон. – Рано или поздно мальчик попадет в беду. Я предупреждала его, и отец часто предупреждал его, я сама слышала. Временами кажется, будто в него вселился дьявол и толкает его на поступки, которые делать не следует. А вот маленький Питер совсем другой. Этого мальчишечку нельзя не любить. Какая жестокость, что он осиротел в таком возрасте.

Кристина уже готова была признать, что ее сердце открыто навстречу Питеру. Он по собственной инициативе назначил себя ее гидом и консультантом. Он показал ей дом, устроил экскурсию по саду. Ему очень хотелось, чтобы она обо всем узнала и все оценила.

– А вот здесь весной вылезают крокусы, – рассказывал он.

– Да, знаю, – улыбнулась Кристина. – Желтые и белые. А вокруг кедра они алые.

Питер удивленно посмотрел на нее и рассмеялся.

– Я все время забываю, что вы жили здесь. – Затем он уже серьезным тоном спросил: – Вам нравилось быть ребенком?

Кристина задумалась над вопросом.

– Думаю, нравилось, – наконец ответила она. – Помню, я была очень-очень счастлива. Конечно, бывали и моменты грусти. Видишь ли, мой отец – то есть ваш дедушка – был очень строгим.

– Элизабет помнит его, – сообщил Питер. – Она говорит, что он был ужасным и даже страшным, как бог.

– О, в нем не было ни капельки от Господа, – поспешно возразила Кристина.

– Я не имел в виду Господа, – поправил ее Питер. – Я имел в виду бога – ну, вы знаете, из тех, что жили на Олимпе. Я читал про них. Вы знаете Зевса? Он был страшным дядькой, швырял молнии во всех, кто его раздражал.

– Ты ходишь на уроки? – спросила Кристина. – Я забыла об этом, потому что сейчас каникулы.

– Это точно. Целых два месяца каникул, здорово, правда? Да, новый викарий дает мне уроки. И папа давал, пока не умер.

– Это очень любезно со стороны викария, верно? – сказала Кристина.

– Не знаю, – пожал плечами Питер. – У него скучно. Он так нудно рассказывает о вещах, которые я не понимаю... но все равно, я же должен учиться, потому что хочу стать инженером, когда вырасту, а Дональд говорит, что нужно знать ужасно много, чтобы сдать экзамен.

Кое-что о новом викарии Кристина узнала от миссис Поттон.

– Конечно, ему трудно работать после вашего брата, – сказала она. – В Грин-Энде нет никого – ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, – кто не знал бы преподобного Артура с детства. Можно сказать, они выросли с ним, и хотя ваш отец был сложным человеком, его тоже любили. Ваш брат открыто высказывал свое мнение, но он был справедлив. А этот, новый, он не знает наших обычаев, а мы не знаем его. Однако он не так уж плох, точно вам говорю. Он старается изо всех сил, и жена его старается, хотя и сует нос в чужие дела.

– Думаю, со стороны викария очень любезно давать уроки Питеру, – сказала Кристина. – Нужно его поблагодарить. Как вы думаете, они сами придут познакомиться со мной или будет лучше, если я первая зайду к ним и представлюсь?

Миссис Поттон задумалась. Она пару раз медленно провела ладонью по пухлому боку серебряного чайника, который до этого усердно начищала, а потом подняла на Кристину добрый и одновременно пронизательный взгляд.

– Будь я на вашем месте, дорогая, я бы какое-то время сидела тихо, как мышка.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовалась Кристина. По тону мисс Поттон она поняла, что что-то не так.

Миссис Поттон дыхла на чайник и протерла запотевшее место тряпочкой.

– Я бы предпочла, чтобы вы были со мной откровенны, – сказала Кристина.

– Я не утверждаю, что происходит нехорошее, – наконец заговорила миссис Поттон. – Я не из тех, кто создает проблемы или сплетничает о них. Но я кое-что слышу, и иногда несколько слов, оброненных как бы невзначай, говорят мне больше, чем если бы все это было высказано прямо.

– Ах, миссис Поттон, объясните же мне, что вы имеете в виду, – взмолилась Кристина.

– В общем, дело обстоит так, моя дорогая, – сказала миссис Поттон, отставив в сторону чайник. – Я всегда была за прямоту. Много раз я говорила викарию: «Я называю вещи своими именами, сэр, и от меня вы можете услышать только голую правду, а от всех остальных вы услышите ее в принаряженном виде».

– Я тоже люблю правду, – мягко проговорила Кристина.

– Что ж, вот вы ее и получите. Только я не утверждаю, что это вся правда, со временем многое может измениться. В нашей деревне есть люди с такими же старомодными взглядами, как ваш батюшка, с таким же образом мышления. И когда они начинают говорить – нужно учитывать, какое положение они занимают, – то увлекают за собой людей, которые легко поддаются влиянию.

– Вы хотите сказать, что новый викарий скорее всего относится ко мне неодобрительно? – спросила Кристина.

– Я не говорю, что относится или будет относиться, когда познакомится с вами, – ответила миссис Поттон. – Я знаю только то, что в деревне есть люди, которые говорят всякое с тех пор, как стало известно, что бедный викарий пытался связаться с вами и назначил вас опекуном своих детей.

Кристина вздохнула.

– Наверное, этого и следовало ожидать, – проговорила она. – Я так долго жила за пределами Грин-Энда, что забыла, как долго люди могут помнить и переживать шок от событий, случившихся много лет назад.

– Да, память тут у людей длинная, – согласилась миссис Поттон, – и среди них, дорогая моя, есть те, кто самолично возложил на себя обязанность осуждать вас.

– И кто же это? – спросила Кристина.

– А вот имена называть я не буду, – покачала головой миссис Поттон. – Вы и так их отлично знаете. Может, вы даже их помните по тем дням. Поверьте мне на слово, мисс, что именно те, у кого нет детей, всегда лучше всех знают, кому и как их воспитывать.

– Знаю, кто это! – воскликнула Кристина. – Готова поспорить, что я права – это леди Стабингтон!

– Значит, вы ее помните, – не без удовлетворения произнесла миссис Поттон.

– Конечно, помню, – сказала Кристина. – Она всегда была жуткой старухой. Мы ненавидели ее, когда были детьми. Если была какая-то мелочь, в отношении которой она могла выразить свое недовольство, она не упускала этой возможности. Она делала вид, будто помогает моему отцу заботиться о его бедных, оставшихся без матери детках, сама же наслаждалась тем, что сует нос в чужие дела, – во всяком случае, я так считаю. Господи! Да она тогда была старой – сейчас ей, наверное, лет сто!

– Недавно исполнилось семьдесят восемь, – сообщила миссис Поттон. – Но ее взгляд по-прежнему острый, как иголка. От нее ничего не ускользает.

– Значит, она мой враг.

– Я бы не стала выражаться так жестко, мисс, – возразила миссис Поттон. – «Враг»! Слишком резкое слово для благородной дамы. Я бы сказала, что она вам не друг.

Оставшись одна, Кристина обдумала все сказанное миссис Поттон. Она искренне надеялась, что сложившаяся ситуация не отразится на детях. Ее много лет не было в деревне, однако она чувствовала, что в то время, пока сама она менялась, Грин-Энд оставался прежним. А еще она поняла, что нельзя закрывать глаза на то, что леди Стабингтон обладает немалой властью в деревне.

Леди Стабингтон и сэр Норман жили в большом и уродливом доме из серого камня с зубчатыми стенами. Однако этот дом олицетворял для жителей Грин-Энда благосостояние и достаток, а также значимость феодальных традиций. Большая часть деревни, по сути, принадлежала Стабингтонам, и как минимум половина трудоспособных мужчин работала в их поместье.

Самым красивым особняком в Грин-Энде, без сомнения, был Манор, где когда-то жил полковник Дингл. Дом был старым, его окружал красивый сад – за которым многие поколения ухаживали любящие руки, – и парк, где со времен Карла II в тени старых дубов бегали олени. Однако никогда владельцы Манора не обладали ни авторитетом, ни властью.

Стоило Стабингтонам прийти к какому-нибудь умозаключению, как на следующий день все действовали в соответствии с этими идеями, и Кристина поняла: то, что леди Стабингтон настроена против нее, принесет ей немало проблем. Она поехала. Она забыла о существовании этой старухи, но сейчас вспомнила ее очень хорошо: жесткое, обветренное лицо с плотно сжатыми губами и всегда суровым выражением; плохо сшитая одежда из

твида, которая выглядела помятой, и фетровые шляпы, которые всегда – и зимой, и летом – были одного цвета и одной формы. Леди Стабингтон нельзя было назвать ни красивой, ни умной, однако она обладала кое-чем более важным для деревенской жизни – положением и убежденностью в собственной непогрешимости.

Даже преподобный Уильям Диллон относился к леди Стабингтон с некоторым благоговением. Она часто обсуждала с ним церковные службы, и он, несмотря на свои возражения и гнев, вынужден был поступать в соответствии с ее желаниями.

«Наверное, ничего иного и ожидать было нельзя, – подумала Кристина, оценивая собственное положение. – Маловероятно, чтобы она одобрила мое поведение, и сейчас, что бы я ни сделала, ничто не сможет изменить ее мнение».

Не раз Кристина спрашивала себя, мудро ли поступил Артур, в последнюю минуту приняв решение назначить ее опекуном над детьми и возложить на нее их воспитание. Сейчас, узнав чуть больше, она видела, как трудно ему было найти выход из сложившейся ситуации. У Денизы почти не было близких. Единственной родственницей с ее стороны была пожилая кузина, которая жила в Шотландии и которую она не любила. Ее родители всегда жили в Индии, и, как у многих детей из подобных семей, у нее было мало друзей, да и те жили далеко.

Со стороны Диллонов, насколько было известно Кристине, имелось несколько престарелых тетюшек и дядюшек со своими детьми и внуками, но все они давно поссорились с ее отцом. Преподобный Уильям Диллон был с родственниками таким же безапелляционным и властным, как и со своими детьми, и в результате череда семейных скандалов оставила Диллонов, обитавших в Грин-Энде, в изоляции.

Нет, Кристина понимала, что, с одной стороны, Артур, несомненно, желал возместить ей тот ущерб, который она понесла за долгие годы его пренебрежительного отношения к ней, но с другой, выбор у него был небольшим.

В первый день пребывания в «Четырех ивах» она ускользнула от заботливого Питера и от словоохотливой миссис Поттон и одна отправилась в церковь. Она пыталась не думать о Гарри, когда прошла через крытый проход на кладбище. Лавируя между надгробиями, она приблизилась к склепу, где были похоронены отец и мать. Здесь же покоились Артур и Дениза – надписи на камне были выбиты недавно.

Кристина закрыла глаза.

– Я сделаю все возможное, Артур, – прошептала она, – все, что в моих силах. Но ты не должен винить меня, если меня постигнет неудача.

Ей показалось, что ее душа устремилась навстречу брату, где бы тот ни находился. А потом она ощутила тепло солнца на лице и на непокрытой голове и вдруг успокоилась. Артур все поймет. Если, как он верил, Дениза была рядом все то время, что он жил один, значит, сейчас они вместе заботятся о своих детях и направляют их.

Кристина улыбалась, идя от склепа к церкви. Она совсем не изменилась! Как будто бы не было этих восемнадцати лет! И вот она, юная Кристина, снова спешит на встречу с Гарри. Да, они часто встречались в церкви, и это не казалось кощунством. Ее любовь к нему будто усиливала святость и божественность здания. По сути, в то время ее молитвы были значительно более искренними. Пока она ждала его, она молилась – доверчиво, как ребенок. О том, чтобы Господь каким-то одному Ему доступным образом помог им. Она никогда не осмеливалась попросить, чтобы жена Гарри умерла. Это было для нее грехом. Но она доверяла Господу, верила в Его безграничное милосердие и в то, что Он найдет выход. Однако выход так и не нашелся, она так и не получила ответ на свои молитвы, и когда отец обнаружил, что она влюблена в Гарри, то отказал ему от дома.

«Я никогда не была хорошей актрисой», – с грустью подумала Кристина, вспоминая скандал, который разразился после того случайного вопроса отца за завтраком. Он разбуше-

вался, он пришел в неопишемую ярость, а она, бледная и дрожащая, сидела вцепившись в край стола, чтобы не упасть в обморок.

В тот день Гарри ждали к чаю, однако Кристина договорилась перед этим встретиться с ним в церкви. Ей удалось тайком улизнуть из дома. Она будто наяву слышала, как, всхлипывая, рассказывает ему о том, что случилось.

– Сегодня он собирается потребовать, чтобы ты больше никогда – никогда – сюда не приезжал. Мы больше не увидимся. О, Гарри, Гарри!

Это был крик напуганного ребенка, и Гарри машинально обнял ее, чтобы успокоить. В этот момент снаружи зазвучали голоса. Они оба напряженно прислушались.

– Экскурснты, – наконец прошептала Кристина.

Они выскользнули из церкви через дверь в ризнице и, перебравшись через изгородь на другом конце церковного двора, побежали через поле в лес, который принадлежал полковнику Динглу. В этом лесу они были не впервые. Узенькая тропинка вывела их на высокий склон – они называли его «наблюдательным пунктом», потому что оттуда им было видно все, их же никто заметить не мог. Землю закрывал ковер из хвои, источавшей сладковатый аромат. Заговорили они, только добравшись до своего убежища. Кристина бросилась Гарри на шею и приникла к нему всем телом.

– Я этого не вынесу, я не могу жить без тебя.

Она произнесла эти слова, не сознавая их важности. Когда же они прозвучали – казалось, их отголосок еще витает в воздухе, – они с Гарри уставились друг на друга, оба бледные.

– Ты серьезно?

Его голос был глухим и хриплым и, как почудилось Кристине, даже дрожал.

Крохотная частичка души молила ее остановиться, подумать. Однако она действовала импульсивно и быстро.

– Серьезно, Гарри, – ответила она, широко разводя руки и показывая, что полностью капитулирует перед ним. – Я не могу жить без тебя... не могу... не могу.

После этих слов Гарри подхватил ее в объятия, прижал к себе и стал страстно, жадно целовать – так, как не целовал никогда раньше. Ноги у нее стали ватными.

– Я хочу тебя, – произнес он. – Хочу безумно – я никогда так не хотел ни одну женщину. Кристина, ты уедешь со мной?

Кристину переполняли эмоции, поэтому она не могла говорить, но Гарри прочел ответ в ее глазах. Он понял все по тому, как она подставила ему для поцелуя свои губы, приоткрытые и дрожащие.

Именно в тот момент Гарри Хантер совершил единственный бескорыстный поступок в своей жизни.

Он отстранился от нее, отошел на несколько шагов и привалился к стволу дерева.

– Послушай, дорогая, – сказал он. – Выслушай меня, потому что все, что я хочу сказать, должно быть сказано. Я люблю тебя, Кристина. Нет, не двигайся, я не хочу прикасаться к тебе. Если я прикоснусь, то не смогу все тебе сказать. Я ни одну женщину не любил так, как тебя. Нет, я не притворяюсь, будто в моей жизни не было других женщин. Мне почти сорок, Кристина. Ничего странного, что ты удивлена. Официально мой сценический возраст тридцать один год, но на самом деле мне тридцать девять. Я живу полной жизнью, и мне нравится эта жизнь. Имею ли я право сейчас просить тебя разделить со мной такую жизнь? Да-да, знаю. Ты хочешь сказать, что для тебя ничего не имеет значения, кроме любви. Однако любовь приходит и уходит, ее нельзя подчинить. Я не утверждаю, что когда-нибудь мне станет с тобой скучно, скорее всего, скучно станет тебе. Но у меня есть моя жизнь, мои друзья и – скажем прямо – моя карьера, а что будет у тебя, Кристина Диллон? Задай себе этот вопрос. Ты из благородной семьи. Ты воспитывалась для того, чтобы занять определенное положе-

ние в этой забавной, патриархальной деревушке. У тебя есть друзья, и все они уважают тебя. Может быть, сейчас их уважение для тебя почти ничего не значит, но, когда ты станешь старше, ты будешь ценить его больше, если, конечно, оно у тебя будет. Я хочу сказать лишь одно: подумай, прежде чем принимать решение. Я дам тебе время. Я не буду давить на тебя. Я даже пальцем не пошевелю, чтобы уговорить тебя. Но, Кристина... я так хочу тебя.

Она подбежала к нему и обняла за шею еще до того, как он закончил.

– Думаешь, что-то еще имеет значение, кроме нашей любви? – с горячностью спросила она.

– Ничего, – ответил Гарри. – Ничего.

На какое-то время они перенеслись в собственный мир. Мир, где кровь течет быстрее, где прикосновение любимых губ наполняет радостью, мучительной по своей силе.

Наконец они сели рядышком, взялись за руки и принялись строить планы.

– Нам придется уехать очень скоро, практически сразу, – сказала Кристина. – Отец может отправить меня куда-нибудь. Грозился сегодня утром. Говорил о том, что мы поедем в Уортинг. Я этого не вынесу. Мне страшно подумать, что целых две недели я не смогу видеть тебя.

– А чего ждать? – спросил Гарри. – Ты приняла решение. Уедем завтра.

– Завтра. – Именно в этот момент она ощутила болезненный укол: назад дороги нет, она приняла решение. И все же будущее, даже с Гарри, было туманным. Она придвинулась к нему поближе. – Завтра, – повторила она. – И я буду принадлежать тебе, стану твоей в полном и истинном значении этого слова.

– Моей! – страстно произнес Гарри и вдруг поднес ее руку к своим губам. – Я попытаюсь быть ласковым с тобой, Кристина. Я постараюсь дать тебе все, чего ты лишишься, уехав со мной.

Она задала ему типично женский вопрос:

– А если бы я ответила, что не поеду? Что тогда?

Гарри посмотрел на нее искоса, на его губах появилась легкая улыбка. Он выпустил ее руку и обнял ее.

– А разве нужно спрашивать об этом, моя Кристина? – В его голосе звучали торжествующие нотки. Вся его почтительность куда-то исчезла. – Я бы заставил тебя, я бы увез тебя...

Кристина прошла к алтарю и села на переднюю скамью. Ее взгляд упал на большую скамеечку для ног, которой пользовалась ее мать. Скамеечка открывалась, и в ней хранились семейные молитвенники и книги псалмов. Когда мама умерла, дети стали пользоваться скамеечкой по очереди. Хотя она была очень тяжелой, почему-то они предпочитали ее обычным подушкам для коленопреклонений. Семья викария сидела на жесткой дубовой скамье, а по другую сторону прохода на алых бархатных подушках сидели Стабингтоны. Эти подушки износились и вытерлись за долгие годы, но все равно оставались символом королевских привилегий.

Было утро субботы, когда она сбежала с Гарри. Потом Кристина часто спрашивала себя, как в тот день проходила служба и заметила ли леди Стабингтон, что их семью представляет только Артур. Дрожал ли голос отца, когда он читал Библию? «Почитай отца и мать». Она знала, что он никогда не простил бы ей этого – по сути, она бросила ему вызов и обманула его.

В первую неделю она все время ждала, что приедет отец и потребует ее возвращения домой. Однако из дома никаких вестей ни от отца, ни от Артура не приходило, и постепенно она успокоилась – ведь жребий уже был брошен.

В детстве у них в семье была горничная, которая очень любила поговорку: «Как постелешь кровать, так и будешь спать». «Что ж, я постелила себе кровать», – думала в те дни Кристина и была в полной мере довольна всем.

В новом мире, в который привел ее Гарри, почти не было времени на то, чтобы вспоминать о Грин-Энде. Там нужно было выбирать и покупать наряды – ведь она уехала из дома с крохотным чемоданчиком, – а после того, как Гарри одел ее в дорогую и модную одежду, ему в голову пришла идея. В один из вечеров Кристина вернулась домой из магазина в новом платье. На ее плечах была меховая шубка, которую Гарри подарил ей за день до этого. Распахнув дверь, она вбежала в гостиную, возвестив о своем приходе словами «Гарри, Гарри, дорогой, я дома», и не сразу заметила, что он не один. В комнате находилось еще два джентльмена, и оба встали при ее появлении. Гарри услышал, как они изумленно ахнули. И действительно, она выглядела великолепно, от ее красоты захватывало дух. Любовь к Гарри и сознание, что она любима, придавали ее красоте особый шарм. Однако это не разрушало присущего ей очарования юности и невинности. Она выглядела свежей. Один романтически настроенный критик как-то написал: «Она заставляет думать о чистом и настоящем – о снежинке, падающей под ноги, о ландыше, спрятавшемся под широким зеленым листом».

«Извини. Я не знала, что у нас гости».

Она обращалась к Гарри, но ее улыбка предназначалась и двум незнакомцам.

Именно в этот момент Гарри шлепнул рукой по столу.

«Клянусь Юпитером! – воскликнул он. – Нашел! Вы задали мне вопрос, и теперь я вам на него отвечаю. Господа, вот дама для ведущей роли!»

Таковым было начало. Как часто Кристина спрашивала себя, не лучше ли ей было остаться на заднем плане – любовницей Гарри, вместо того чтобы стать его партнершей по сцене. Однако она знала, что принятое решение избавило ее от сердечной боли и ревности. В противном случае ей пришлось бы из вечера в вечер смотреть, как Гарри отдает свою любовь другим женщинам, знать, что он, пусть и понарошку, но целует другую и говорит ей о любви. Его голос, полный нежности, сводил с ума девушек на галерке и привлекал в театр женщин постарше, разочаровавшихся в любви и страстно жаждущих ласки. Нет, ее решение было правильным, но как же она ненавидела свои попытки научиться играть. Это утомительное, многочасовое повторение одних и тех же слов, одних и тех же действий. К концу своей карьеры она произносила реплики и играла так же плохо, как в самом начале.

Близкий контакт с театральной средой помог ей понять одно – то, во что она старалась не верить, но что в конечном итоге вынуждена была признать, – Гарри не был хорошим актером. Он обладал шармом и тем странным качеством, которое Элинор Глин назвала одним словом «Это»⁸. Одним словом, он торговал своей мужественностью. Он знал все хитрости, все интонации, которые могли пробудить женскую страсть – могли заставить женщину, сидевшую среди замерших и затаивших дыхание зрителей, подумать: «На ее месте могла бы быть я». Все его роли были одинаковыми – он играл безрассудного, страстного любовника, которым увлечена невероятно тупая героиня. Он чувствовал театр и инстинктивно понимал, на что способен как актер, поэтому не замахивался на серьезные роли. Легкие, иногда даже рискованные пьесы с незамысловатым сюжетом – в этом Гарри Хантер был непревзойденным и без труда срывал аплодисменты. Пикантная альковная сцена была ему по душе и по мастерству. Однако все, что требовало настоящей актерской игры – характерные роли, перевоплощение, – было ему не по зубам. Кристине понадобилось много лет, чтобы понять: Гарри всегда был самим собой. Про него нельзя было сказать: «Вот Гарри Хантер, а вот Гарри в роли...» В реальной жизни он тоже исполнял роль, всегда поступал так, как, по его мнению, будет выглядеть правильным. Он был великолепным шоуменом, он выучился искусству очаровывать людей задолго до того, как стал профессиональным акте-

⁸ Фильм 1927 года по одноименному роману Элинор Глин. После выхода фильма появилось выражение «девушка Это» (it-girl, англ.), надолго ставшее определением молодой, сексуально привлекательной особы, о которой все говорят и которая находится в центре внимания.

ром. Кристина пыталась найти в нем что-то более ценное, чем простая привлекательность и шарм, но потерпела неудачу. Да, она потерпела неудачу. А возможно, и не было в Гарри ничего, кроме обаяния.

Кристина вздохнула и закрыла лицо руками. Ну, почему мысли о нем снова мучают ее? Неужели она никогда не освободится от него? От человека, воспоминания о котором преследуют ее даже в этом святом месте?

Она решительно вернула себя в реальность, приказала себе думать о детях – об Элизабет, о Дональде и о Питере. Но перед ее глазами все равно стоял Гарри, и ей опять слышался его голос: «Я бы заставил тебя, я бы увез тебя».

Глава 5

В середине августа погода поменялась: холод с дождями уступил место теплу, и все свидетельствовало о том, что скоро придет жара.

Однажды за завтраком Кристина спросила у детей:

– Что вы скажете насчет того, чтобы сегодня во второй половине дня устроить пикник?

– Здорово! – закричал Питер. – Пойдем к Старой мельнице. Там есть местечко, где можно купаться.

– Ты умеешь плавать? – обратилась Кристина к Дональду.

Он не ответил и лишь покачал головой, и она почувствовала те же недовольство и раздражение, на которые наталкивалась каждый раз, когда пыталась наладить контакт со старшим племянником. Она уже две недели жила в «Четырех ивах», но ни на шаг не приблизилась к тому, чтобы узнать и понять Дональда. Он уклонялся от всех ее попыток стать ему если не близким человеком, то хотя бы другом. Он не был грубым, но всегда отвечал односложно, при этом Кристина не сомневалась в том, что ему доступна свободная и образная речь.

Элизабет и Питер, казалось, не видели ничего необычного в поведении Дональда, однако Крестину не покидало подозрение, что они знают, в чем причина. Иногда все трое обменивались понимающими взглядами, значение которых было ей недоступно. И в то же время она не могла представить, чтобы они объединились против нее. Элизабет всегда была дружелюбна, хотя Кристина догадывалась, что в первые дни девушка проявляла настороженность, опасаясь, что тетка станет устанавливать свои порядки в доме.

Сейчас, несомненно, в их с Элизабет отношениях наметился перелом: между ними крепла привязанность. Девушка была очень мила, и когда она поняла, что Кристина стремится помочь ей выглядеть еще красивее – советами и предложением купить ей новые наряды, – то расцвела, как весенний цветок на жарком солнце.

Кристина чувствовала – хотя из соображений тактичности не говорила об этом вслух, – что Артура пугала яркая красота Элизабет. Удивительное сходство между сестрой и дочерью, вероятно, служило для него своего рода предостережением и постоянно напоминало о событиях, случившихся в далеком прошлом.

Элизабет еще в полной мере не осознавала свою красоту. Она знала, что привлекательна, – нужно быть слепым и глупым, чтобы этого не понимать. Однако, как видела Кристина, девушка еще не представляла, насколько сильным оружием может быть женская красота. Она наивно радовалась комплиентам, повторяя лестные высказывания и солдата из проехавшего мимо грузовика, и преисполненного благоговейного трепета юноши, принесшего ей несколько цветочков из родительского сада, с таким же восторгом, как если бы на их месте был авторитетный ценитель и знаток прекрасного. Она отличалась открытостью и отсутствием коварства, и Кристина все сильнее убеждалась в том, что присутствие в доме более опытной женщины, которой можно доверить свои секреты, вполне устраивало Элизабет.

После двух недель жизни в «Четырех ивах» Кристина была в полной мере довольна тем, как развиваются ее отношения с племянницей. А вот Дональд пугал ее и наполнял душу опасением, что и за сотню лет она не справится со своей новой миссией.

Питера же Кристина обожала. Это был очаровательный мальчишка. Он обладал утонченными манерами, которые, казалось, были не благоприобретенными, а присущими ему от природы. Более того, он с первого мгновения проникся любовью к тетке и везде следовал за ней, как щенок терьера. Кристина же вела себя очень осторожно, опасаясь слишком быстро продемонстрировать ему свою любовь, чтобы случайно не испугать или не смутить его.

Однажды вечером она поднялась к нему, чтобы пожелать спокойной ночи. Мальчик с серьезным видом наблюдал за ней, пока она открывала окно.

«Спокойной тебе ночи, Питер, – сказала Кристина, подходя к кровати. – Сладких тебе снов. А завтра мы придумаем какое-нибудь веселое дело».

«Спокойной ночи, тетя Кристина. А сегодня было весело, правда?»

«Правда! Я получила огромное удовольствие».

Улыбнувшись ему, Кристина направилась к двери. Когда она уже взялась за ручку, ее остановил тихий голосок:

«Тетя Кристина, я хочу вас кое о чем спросить».

Она вернулась к кровати.

«В чем дело, дорогой?» Ласковое обращение вырвалось у нее случайно.

После довольно долгой паузы Питер тихо проговорил:

«Вам не хочется целовать меня на ночь?»

Кристина не нашла, что ответить. Чувствуя, как горло сжимает спазм, она наклонилась к мальчику. Ее шею обвили две тоненькие ручки. Питер прижался щекой к ее щеке. Кристина обняла его и ощутила, как сильно бьется его сердечко. Они застыли в молчании, как будто только в этот момент каждый из них осознал, насколько одинок другой.

Испугавшись собственных эмоций, Кристина разжала объятия, укрыла Питера до подбородка, поцеловала его в лоб и, дрожащими губами произнесла «Да хранит тебя Господь», вышла из комнаты.

«Давно я не была так счастлива», – сказала она себе, спускаясь вниз.

Кристина мысленно оглянулась назад, на бескрайнюю пустыню времени, и ей показалось, что очень долго, почти целый век, она была неприкаянной и никому не нужной. Перед ее внутренним взором прошла череда лиц – суровых, алчных, жадных, пустых, бездумных лиц, которые для нее ничего не значили, которые становились частью ее жизни лишь на короткий срок, а потом исчезали навсегда. Сейчас же она снова на своем месте, она снова стала частью мира, к которому принадлежит по праву рождения.

Ее душа наполнилась благодарностью. «Наконец, – подумала она, – я понимаю, что на самом деле означает милосердие Божье». Восторженный взгляд Питера, его радостная реакция на какое-нибудь ее предложение, его доверие и безусловная, как у всех детей, любовь. Кристина чувствовала: теперь эти вещи для нее важнее всего, что было в ее прежней жизни.

– Мы еще не купались этим летом, – тем временем продолжал Питер, намазывая конфитюр на тост. – Сомневаюсь, что я влезу в свой купальный костюм, он мне мал, а костюм Дональда в прошлом году поела моль, так что его тоже носить нельзя.

– Придется как-то решить эту проблему, – сказала Кристина, вспомнив, как они с Артуром купались у Старой мельницы в детстве, как однажды отважились на риск и, объятые страхом, который очень мешал им в полной мере наслаждаться приключением, тайком выбрались из дома, чтобы поплавать нагишом при лунном свете.

– Я не смогу пойти купаться, – заявила Элизабет. – Я вечером уезжаю.

В ее голосе слышался вызов, и Кристина приказала себе соблюдать осторожность.

– Как здорово! – воскликнула она. – На танцы?

– Отгадали с первой попытки, – ответила девушка. – Мы с Агнес Вуллок едем на аэродром Норман. Помните, мы там были, когда вы приехали.

– А где вы собираетесь ночевать? – поинтересовалась Кристина.

– Там же, где и раньше, – беззаботно – вероятно, излишне беззаботно – ответила Элизабет. – Раз вам так хочется знать адрес, то в «Четырех колоколах» в Нортоне.

Кристина судорожно втянула в себя воздух.

– Надеюсь, вы будете ночевать не одни? – спросила она. – С вами будет миссис Вуллок? Элизабет отодвинулась от стола и встала.

– Боже мой, нет. Миссис Вуллок страшно старомодная. Ей совсем не нравится, что Агнес ходит на танцы. Предполагается, что бедняжка должна ждать «выхода в свет», но кто знает, а вдруг к тому времени аэродрома уже не будет и танцы устраивать перестанут!

– Ей не нравится, но она отпускает Агнес, так? – продолжала расспросы Кристина.

Элизабет все еще стояла у стола и бездумно переставляла перечницу, солонку и бутылочку с горчицей.

– Ну, – протянула она, – дело обстоит так... – Наступила долгая пауза, но потом Элизабет, слегка покраснев, заговорила снова. При ее первых словах Кристина испытала великое облегчение. Племянница не будет ей лгать, она скажет правду. – Видите ли, тетя Кристина, мы с Агнес считаем себя достаточно взрослыми, чтобы ходить на эти танцы и развлекаться. Мы считаем, что можем сами позаботиться о себе, хотя миссис Вуллок с нами не согласна.

– Значит, вы останавливаетесь в «Четырех колоколах» по приглашению кого-то с аэродрома? – предположила Кристина.

– Именно так.

– А у вас... у вас есть особый друг, который приглашает вас туда?

Элизабет кивнула.

– В общем, да... мой друг, – ответила она и покраснела сильнее. – Агнес гуляет со всеми. Ее не интересует никто конкретно.

– А тебя? – спросила Кристина.

Элизабет бросила быстрый взгляд на Дональда и Питера, которые доедали завтрак.

Кристина все поняла и встала из-за стола.

– Я помогу тебе собраться, – проговорила она, – и ты мне все расскажешь.

Когда они закрыли за собой дверь столовой, Элизабет поспешно взяла ее за руку.

– Я знала, что вы поймете, – радостно произнесла она. – Агнес говорила, что не поймете, а я знала, что вы будете молодчиной.

Кристина промолчала. Она очень боялась разрушить доверие Элизабет и в то же время живо представляла, какая опасность подстерегает это красивое создание, неопытное и не знающее жизнь и окружающий мир.

– Расскажи мне об этом «особом друге», – попросила она, когда они вошли в спальню девушки.

Элизабет выглянула в окно. Кристина чувствовала, что племянница не тратит время, а пытается подобрать правильные слова, чтобы описать нечто, что не поддается описанию.

– Даже не знаю, что сказать, – наконец нарушила она тишину. – Есть один человек, он был очень добр ко мне. Именно он и приглашает нас туда. Он майор авиации и много воевал.

– Как его зовут? – спросила Кристина.

– Стенли Джойнсон. Вряд ли вы слышали о нем, хотя его и наградили Авиационным крестом⁹ и орденом «За выдающиеся заслуги». Он ненавидит славу и прячется от газетчиков.

– Я бы с удовольствием с ним познакомилась, – сказала Кристина. – Хочешь пригласить его к нам на выходные?

– А можно? – встрепенулась Элизабет. – Ах, тетя Кристина, это будет замечательно. Мы думали об этом, мы с Агнес, но не знали, правильно ли это. Вы же знаете, что такое жить в деревне!

Кристина вспомнила разговор о гостевой комнате в день ее приезда. Так вот о каком госте шла речь. Этот Стенли Джойнсон пробудил в ней сильнейшее любопытство.

– Пригласи его на эти выходные, – предложила она. – Прошу тебя, Элизабет, помни, что это твой дом. Ты должна приглашать сюда всех своих друзей. Я приложу все силы к тому, чтобы здесь им было уютно.

⁹ Этим крестом награждают персонал Королевских военно-воздушных сил за мужество и преданность долгу.

– Ой, спасибо вам, – обрадовалась Элизабет. – Тетя Кристина, вы такая лапочка! – Чмокнув Кристину, она добавила: – Знаете, я очень испугалась, когда вы приехали. Глупо с моей стороны, правда? Но я так долго была в доме единственной женщиной.

Эта фраза позабавила Кристину, однако ей удалось сохранить серьезный вид.

– Папа был замечательным, – продолжала Элизабет, – но очень старомодным в отношении многих вещей, так что мне было гораздо проще не волновать его. «С глаз долой», как говорит миссис Поттон. А еще Агнес – она ужасно плохой знаток характеров – была уверена, что вы будете возражать против наших с ней походов на танцы. Естественно, ей приходится лгать своей маме. Она говорит, что ночует у своей старой няни, которая живет в Нортоне. Но я не люблю лгать. Я предпочитаю говорить вам правду.

– Надеюсь, так будет всегда, – сказала Кристина. – Элизабет, давай всегда будем открытыми друг с другом. Если я сочту что-нибудь неумным – с твоей точки зрения, естественно, – я так и скажу. Сделай мне одолжение, честно рассказывай о том, чем занимаешься, и тогда, я уверена, мы всегда сможем найти компромиссное решение, даже если наши взгляды разойдутся.

– Это уговор, – заключила Элизабет. – Ой, как все замечательно!

Кристина оставила Элизабет собирать вещи. Спускаясь вниз, она говорила себе, что поступила мудро, не став возражать против ночевки девочек в «Четырех колоколах». «Сначала взгляну на молодого человека, – думала она. – Если решу, что ему можно доверять, то легко донесу до него свою мысль, а если нет, тогда мне придется набраться мужества и пресечь его встречи с Элизабет».

Она уже была в холле, когда услышала звонок у входной двери. Миссис Поттон появилась из столовой с грязной посудой, оставшейся после завтрака.

– Я открою, – сказала ей Кристина.

На крыльце стояла изящно одетая женщина средних лет.

– А мисс... – начала гостя.

В это мгновение лица обеих женщин засияли от радостных улыбок – они узнали друг друга.

– Миссис Бейкуэлл!

– Кристина, деточка моя дорогая.

Люси Бейкуэлл прошла в дом, обняла Кристину и расцеловала в обе щеки.

– Боже правый! – воскликнула она. – Что ты с собой сделала? Ты стала кожа да кости, куда делась твоя красота!

Люси Бейкуэлл славилась своей грубоватой манерой резать правду-матку в глаза вместо приветствия.

Кристина рассмеялась.

– Ах, миссис Бейкуэлл, – проговорила она, – я так рада вас видеть. Я слышала, вы уезжали.

– Я вернулась вчера вечером, – низким, звучным голосом ответила миссис Бейкуэлл. – Пройдем в гостиную, детка, дай взглянуть на тебя.

– Нет, не надо, – поспешно возразила Кристина. – Вы уже сказали, что думаете, а я стыжусь того, как выгляжу. Но самое грустное то, что вы сами совсем не изменились.

– Чепуха! – запротестовала Люси Бейкуэлл, однако ее глаза удовлетворенно заблестели – какая женщина устоит против лести, когда ей говорят, что возраст над ней не властен. Люси была из тех, кто выглядит мудрым в молодости и юным – в старости.

Дочь лорда Рочестера, она общалась с обеспеченными и «правильными» – с точки зрения ее родителей – людьми, пока ей не исполнилось двадцать восемь. А потом неожиданно и без родительского благословения взяла да и вышла за Джорджа Бейкуэлла, деревенского

врача и внука валлийского священника. Сразу после свадьбы Бейкуэллы переехали в Грин-Энд и со временем стали достопримечательностью деревни. Все их любили и уважали.

Люси быстро освоилась и заняла уникальное положение. Стабингтоны всегда покровительствовали местному доктору и удерживали его в деревне определенными привилегиями, однако к Люси Бейкуэлл невозможно было относиться ни покровительственно, ни пренебрежительно, потому что по социальным стандартам она была им ровней. На нее не произвел никакого впечатления тот важный вид, который каждый раз напускала на себя леди Стабингтон, общаясь с менее знатными обитателями деревни.

Кроме того, Люси от природы была одарена открытой и честной душой и искренне ненавидела всяческие увертки, для нее было немыслимо притворство любого сорта. Остроумные замечания Люси Бейкуэлл становились достоянием общности, а так как она высказывала свое мнение по любому случаю, то со временем накопилось такое количество легенд о том, как кого-то она поставила в неловкое положение, а кого-то подняла на смех, что их хватило бы на несколько книг.

Кристина всегда нравилась ей, она лучше, чем кто-либо в деревне, понимала, какие трудности и соблазны рано или поздно появятся на пути девушки, наделенной такой необычной красотой. Пусть сейчас Люси Бейкуэлл была женой доктора из Грин-Энда, однако она довольно долго вращалась в свете и знала, какой мощной движущей силой станет красота Кристины, когда та осознает ее. Она сделала для девушки немало и сделала бы еще больше, если бы ей не мешал преподобный Уильям Диллон, который терпеть не мог миссис Бейкуэлл, хотя и не признавался в этом, и который просто боялся ее откровенности. Как и многих мужчин и женщин, которые не совсем честны сами с собой и тщательно скрывают от других свои душевные тайны, поведение Люси обескураживало его.

Но для Кристины Люси Бейкуэлл стала единственным человеческим существом, которое понимало суть ее всепоглощающей страсти к Гарри. Многократно девушку охватывало желание зайти к доктору и обо всем рассказать его жене. Не сделала она этого только потому, что каждый раз ей мешали какие-то непредвиденные обстоятельства, те самые несущественные на первый взгляд инциденты, которые иногда так кардинально меняют жизнь человека.

Одна встреча сорвалась из-за того, что, собираясь в дом викария, чтобы повидаться с Кристиной, Люси Бейкуэлл поскользнулась и вывихнула лодыжку. В другой раз Кристина, придя в гости к Люси с твердым намерением верить ей свою тайну, обнаружила, что миссис Бейкуэлл уже принимает гостью, причем не кого-нибудь, а саму леди Стабингтон. Последняя могла легко испортить настроение любому.

Когда Кристина, чрезвычайно красивая в простом хлопчатобумажном голубом платье, которое подчеркивало прелесть ее светлых волос и цвет глаз, вошла в комнату, леди Стабингтон обратилась к ней со словами: «А, вот и вы, Кристина. Я хотела повидаться с вами. В воскресенье я заметила, что на вас новая шляпка».

Девушка согласилась, что да, на ней была новая шляпка. За этой шляпкой она специально ездила в Мелчестер, желая, как любая женщина, купить себе обновку, потому что существовал некто, перед кем ей хотелось выглядеть особенно красивой. Она купила шляпку, которая оказалась значительно дороже, чем она могла себе позволить, лишь потому, что продавщица в магазине заверила ее, что это последняя модель из Парижа. Конечно, юной девушке не пристало носить такие дорогие шляпки, к тому же она совсем не шла к тем платьям, которые Кристина носила летом. Однако Кристина еще не разбиралась в таких тонкостях, а если бы и разбиралась, то все равно поступила бы так же. Шляпка была очень красивой, и она гордилась ею. Она олицетворяла для нее все то, что хотел увидеть в ней Гарри.

Кристина поняла, что именно сейчас произойдет, еще до того, как леди Стабингтон вновь заговорила.

«Совершенно непригодная вещь, – скривилась та. – В ней вы выглядите фривольной и взбалмошной, что абсолютно недопустимо для дочери викария. Кристина, вы должны помнить, что вы пример для жителей деревни. На вас смотрят дети, и девочки постарше наверняка перенимают от вас манеры и образ поведения. Соболаговолите больше не надевать эту шляпку».

Кристина почувствовала, как краска заливает щеки. Она устремила взгляд на Люси Бейкуэлл, которая сидела с прямой спиной на стуле. Супруга доктора была одета в поношенный, очень неприглядный твидовый костюм, но, несмотря на это, благодаря уверенности в себе и чувству собственного достоинства каким-то образом ухитрилась выглядеть внушительно.

У Кристины на языке уже вертелись гневные слова. Она с вызовом посмотрела на леди Стабингтон. «Скажу ей все, что думаю, – решила девушка. – Скажу ей, что имею право жить своей жизнью, что если она может указывать другим, что они должны делать, это вовсе не означает, что она вправе указывать мне». Однако слова так и остались произнесенными. Влияние Стабингтонов, которое омрачало все ее детство, оказалось слишком сильным. Она стояла, дрожа под холодным взглядом леди Стабингтон, и вдруг гнетущую тишину нарушил ее короткий всхлип. Кристина, как слепая, вышла из комнаты, по привычке закрыла за собой дверь, а потом опрометью выбежала из дома.

С тех пор она больше не виделась с Люси Бейкуэлл. Через три дня она сбежала с Гарри Хантером. И сейчас, слушая ее голос, глядя на нее, такую надежную, такую знакомую, Кристина поняла, как сильно все эти годы она скучала по подруге юности. Поддавшись порыву, она взяла руки миссис Бейкуэлл в свои.

– Я так скучала по вас.

– Сядь, детка, и расскажи, чем ты занималась, – попросила Люси Бейкуэлл. – Мы все тут с ума посходили, пока тебя разыскивали. Хорошо, что ты здесь, ты нужна детям. Какие у тебя отношения с ними?

– Вот это я и хотела рассказать вам, – призналась Кристина. – Мне нужен ваш совет, ваша помощь. И вообще мне нужно о многом поговорить с вами.

Люси Бейкуэлл внимательно посмотрела на нее, и ее лицо смягчилось.

– Рассказывай обо всем, – требовательно произнесла она. – Сначала расскажи о себе. Чем мир досадил тебе, что ты теперь так выглядишь?

Кристина пожала плечами, затем спокойно, без горечи, ответила:

– На неудачах не отъешься.

– Ты о себе?

– Боюсь, да – во всех смыслах. Я не преуспела ни в чем – ни на сцене, ни... – Кристина заколебалась, но все же заставила себя произнести: —...ни в том, чтобы удержать мужчину, которого любила.

– Он бросил тебя?

Кристина кивнула.

– Я его не осуждаю: он старел и уже не был так популярен, как раньше. Из-за экономического спада 1931 года закрылось большое количество театров. У него появилась возможность уехать в Америку, в Голливуд, и он ею воспользовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.